

ELIAN JULZ

An ornate, oval-shaped mirror with a highly decorative, gilded frame. The mirror's surface is cracked, with a prominent vertical crack running down the center. The reflection is distorted and blurry, showing indistinct shapes and colors. The mirror is set against a dark, textured background, possibly a wall with stone tiles.

МОНТАЖ ПАМЯТИ

ГДЕ СТРАХ – НЕТ МЕСТА ЛЮБВИ

Eliañ Julz

Монтаж памяти

«Автор»

2021

Elian Julz

Монтаж памяти / Elian Julz — «Автор», 2021

В новогоднюю ночь 31 декабря 2013 года в разгар фейерверков произошло нечто странное. Позже на заднем дворе многоэтажки обнаружили тело девушки, прикрытое кружевной белой тканью и припорошенное пушистым, словно соцветия хлопка, снегом. Вокруг головы кровь растеклась подобием нимба со средневековых икон. В праздничной безумной суете трагедия произошла без свидетелей. Убийство или самоубийство? Ответ знает только один из троих. Дознаватель, психиатр, четыре рассказчика и три истории из XIX века для разгадки тайны. Эта книга-головоломка удивит, напугает, взбодрит внутреннего детектива и научит забавным английским фразам.

© Elian Julz, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	51
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Elian Julz

Монтаж памяти

Посвящается юным, а, впрочем, также и немолодым особам, романтизирующим викторианскую эпоху.

«Девушки представляют себе сильный пол по романам, написанным слабым полом».

Д.К.Джером, «Досужие размышления досужего человека»

Пролог

Где страх – нет места любви.

Уже пару минут он смотрел, как вспыхивает и гаснет свет в гостиной от прикосновения её руки к выключателю. И всякий раз она оборачивалась к нему с детским восторженным взглядом, оглядываясь вокруг, словно впервые. Девушка, по-прежнему, с трудом могла говорить.

Но он не давал себе воли порадоваться вместе с ней, ведь в эту минуту его назойливо беспокоила лишь одна мысль: а вдруг её мозг решит вернуться к своим самовольно сложенным полномочиям и делам? И тогда действие волшебства прекратится. Она поймет, что никогда его не любила.

***

Жители города Н. ждали снега весь декабрь. Но вместо него лил дождь. Аномальный. Автомобили буквально проплывали по асфальту, рискуя хлебнуть мотором из глубоких луж. Подземные переходы затопило. От вредючки-погоды расклеились чьи-то почти новые замшевые сапоги и с голодным, разинутым ртом валялись на свалке.

Новогоднее настроение запаздывало, несмотря на запасы в домах солёных огурцов, докторской колбасы и зелёного горошка для «Оливье».

И вот утром 31 декабря 2013 года зима решила заплатить по счетам, щедро разбрасывая белой валютой. Из окон домов наблюдателям казалось, что теперь машины несёт по дорогам подтаявший ванильный пломбир или та самая каша из сказки «Горшочек вари», которая расплзается и всё растёт и растёт вверх. Ближе к ночи с неба падали уже самые настоящие соцветия хлопка, такие же огромные и пушистые хлопья, скрывая тропинки к дому, следы и... людей.

Снегопад продолжался до полудня первого января, став идеальным соучастником новогодних происшествий. И не только дорожно-транспортных.

В эту ночь диспетчер скорой помощи получил звонок. Обнаружено тело девушки на заднем дворе многоэтажного дома. В крови загадочной брюнетки, прикрытой белой кружевной тканью, нашли алкоголь, а характер черепно-мозговой травмы указывал на вероятность суицида. Протокол предписывал передать сведения в полицию.

Профессиональная интуиция полицейского Комарова подсказывала, что всё вовсе не так просто, как выглядело. Он начал череду допросов подозреваемых, троих мужчин.

В праздничной безумной суете действие разыгралось без зрителей, не оставив ни единого свидетеля. В этом вся лицемерка жизнь – пока одни мурлычат под нос песни, пьют «Моёт» на брудершафт и запускают в небо салюты, другие медленно умирают. Кто-то, угасая внутри, переломившись, как соломинка, кто-то замерзает у помойки в поисках хлеба, а чьё-то юное сердце в ту же самую минуту издаёт последний стук под толщей снега, окропленной кровью.

Неприглядная сторона, скрытая в любовных романах от простодушных девичьих глаз, сбросит свой плащ невидимки и предстанет в истинном и жестоком обличии.

Часть первая

Глава 1

«Михаил, мы свяжемся с Вами по телефону и сообщим, когда нужно явиться в участок. А пока просим не покидать город», – слова, которые он никак не планировал услышать в эту праздничную ночь.

Высокий молодой мужчина-брюнет с легкой небритостью на лице лишь молча кивнул, растирая виски, будто запуская застывший часовой механизм в своей голове. Единственным желанием было всё отмотать хотя бы на один день назад, как это чудом происходит в фантастических фильмах.

1860 год

– Reveye, manna-a-an! Mesye blan yo pral fache,¹ – эти слова на незнакомом заморском языке были первым, что я услышала в темноте, чувствуя толчки в бок.

Я лежала на полу неведомо где. В чернющем мраке невозможно было хоть что-то разглядеть. Поблизости раздавались крики петухов. Ладонью нащупала сырую землю вместо пола. Тупая боль в затылке не позволяла собрать разбегающиеся в стороны, как муравьи, мысли.

Что за язык, неугомонно что-то требующий от меня? Где я?

С трудом поднялась на ноги, откинув отвратительную на ощупь тряпку, которая накрывала ноющее от сна на холодной земле тело.

– Где я? Что случилось? – сама удивляюсь своему неслыханному ранее голосу и протяжной манере говорить.

– Kisa?²

Повелительница неясных мне абракадабр суетливо ощупывала мою голову, прикладывая ладонь ко лбу.

– Почему я ничего не вижу? Включите свет. Немедленно! – накатила тошнота и паника от того, что я совершенно не помнила, как здесь оказалась, и кто эта женщина. Тяжесть. Будто на меня взвалили неподъемный мешок муки.

Женщина, лопочущая слова, которые я была неспособна даже повторить, не то что уж понять, вытолкнула меня наружу, отворяя кривую, грубо сколоченную деревянную дверь. В тот же момент в свете костра я поймала на себе несколько десятков испуганных взглядов кипенно-белых белков глаз, на фоне темно-кофейной кожи, покрывавшей их худощавые тела.

Тут до меня дошло, что мою речь здесь скорее всего никто не понимал. Но в полной панике я продолжала кричать на английском:

– Кто Вы? Это Африка? Меня похитили?

– Какая Африка, мамушка. Бог с тобой. Даже наши предки не видели родной земли. Ты, видно, больна. Ешь быстро. Рассвет скоро, – говорила с сильным акцентом по-английски всё та же заводила с белой тряпкой на голове.

---

¹ Слова были произнесены на креольском (гаитянском) языке, упрощенная разновидность для общения рабов и колонизаторов. Смешение языков на базе французского, английского с элементарной грамматикой и нередко искаженным произношением. Здесь фраза означала: «Просыпайся, мамушка. Белые господа будут сердиться».

² С креольского – «Что?»

Я начала бегать среди убогих хижин без единого окна, задыхаясь от страха неизвестности и дефицита информации. Картина перед глазами ничего не проясняла. Мчалась со всех ног и металась по сторонам, но впереди были лишь бесконечные поля и вдали какая-то вода. Река? Море? Что это? Ни одного проблеска воспоминаний. Куда бежать, если не знаешь, где ты.

Пришибленные и согбенные фигуры возле утреннего костра ничуть не удивились моему появлению в их обществе. Они меня знали.

Я набросилась на единственную разговорчивую женщину здесь, в попытке добиться правды, но с ужасом и пронзительным криком одернула руки от неё. Вновь завопила до одури, ведь моя кожа ровно такого же цвета, что и у всех. Начала осматривать себя: да я же дородная баба какая-то, на теле грубое хлопковое платье, на голове грязно-белый тюрбан, как и у остальных женщин. Меня чем-то накачали и продали в это племя? Может, я жена какого-то вождя?

Незнакомка закрыла мой рот рукой и, озираясь по сторонам, начала вполголоса говорить мне в ухо:

– Ч-ш-ш. Успокойся, Нелли, ты же не хочешь получить 200 плетей от массы Харриса. Если они подумают, что ты сошла с ума, то продадут или пристрелят, как больную скотину.

Отбивалась от неё, молотя со всей силы кулаками. Двое мужчин оттащили жертву моих тумачков, что-то приговаривая на своём осточертевшем языке.

Закрыв лицо руками, я продолжала кричать, словно заживо сжигаемая на костре. Где я была вчера? Тщетно, всё напрасно. Мозг мне не подчинялся. Пустота. Ни единой догадки.

Они что-то сделали с моей головой – ничего не помню, ни имени, ни цвета глаз и волос. В беспомощной, отчаянной ярости срываю тряпье с головы, пытаюсь отыскать следы травмы или чудовищной операции. Но вместо этого пальцы нащупали коротко остриженные мелкие жёсткие кудряшки.

– А-а-а-а, – единственное, что было способно выразить моё несогласие с внешним естеством и средой обитания.

Это не я, не моё тело, волосы, голос. Всё будто чужое. Такого просто не может быть. Но кто тогда я? Этого я не помнила.

В неугомонных криках и метаниях я не сразу заметила, как высушенные до костей незнакомцы с глазами навывае внезапно разбежались. В этот момент жуткий удар проник точно под самую кожу спины, будто гадкий монстр отхватывал куски моей плоти.

– Чего развопилась, черномазая кляча? Соскучилась по кнуту? Так я с удовольствием тебя угощу, – этот говорил без малейшего акцента.

Ещё один адски жаркий укус хлыста прошелся по ягодицам, заодно ужалив живот и предплечье. В гневе обернулась к садистскому порождению. Передо мной, облизывая от удовольствия губы, стоял белый здоровяк с покрытыми короткой светлой щетиной щеками и в шляпе. Он продолжал щелкать кнутом по земле, словно погонщик скота. В глазах кипели огненные котлы ярости, ноздри раздулись, как у быка, от злости и какого-то явного отвращения.

– За работу! Марш в большой дом. Живо. Мисс Хьюз на ногах раньше твоей ленивой задницы.

Свои слова он приправил очередным щедрым ударом кнута.

2014 год
Михаил

– Михаил, для целей терапии наш разговор будет записан на диктофон. Это позволит не упустить важные детали и тщательно всё проанализировать. Вы можете начать с любого момента. Всё, что посчитаете важным рассказать. Особое внимание уделите ярким эмоциональным моментам, – тихим, но не терпящим возражений голосом сказала приятная блондинка средних лет напротив брюнета.

«Так вот, как всё выглядит в реальной жизни. Раньше видел подобное только в кино. Никакой мягкой кушетки, уютного старинного ковра и журнального столика с дымящейся кружкой кофе», – подумал Михаил, сидя на стуле и разглядывая через окно без штор кирпичный забор с облупившейся штукатуркой. Он не знал, с чего начать. Как же неловко оживлять такие личные воспоминания перед совершенно чужим человеком, видя его впервые.

Брюнет продолжал сидеть молча.

– Михаил, начните с первого впечатления, – решила помочь Татьяна, облаченная в белый халат.

– Тем летом увидел её впервые. Понятия не имею, с какой стати всю школу в июне согнали на земельные участки станции юных натуралистов. То ли рук не хватало, то ли очередной образовательный эксперимент провели. Строго говоря, я вовсе не обязан был там вкалывать. Мы в том году выпустились из школы. Только аттестат не выдали, пока не вернём долг государству общественными работами. Тащили с приятелем по ведру навоза в сторону выделенного нам участка. Накануне всю ночь бушевал дождь. Повсюду валялись жирные черви. Балбес из средних классов бегал за девчонкой с этой полуживой дергающейся тварью в руках. Ничего необычного в принципе, всем знакомо.

Другая же, словно её величество, стояла со скучающим видом, не дернув ни одним мускулом. Не видел эту чудачку раньше – видимо, они все со второй смены. Насытившись по горло криками своей подруги, черноволосяя тощая девчонка, важно двинулась в сторону озорника.

И тут я остановился понаблюдать, что же предпримет эта «небожительница». Всё думал, как бы не споткнулась, вышагивая с гордой осанкой и надменно поднятой головой между кустами. Она властно коснулась плеча мальчишки и что-то шепнула. Тот моментально бросил червя. Уж не знаю, какую милость она сулила оказать пацану, только шалопай вдруг крикнул своей жертве:

«Сударыня, приношу свои извинения за эту вольность и прошу простить меня... – тут мальчишка сделал нерешительную паузу, но брюнетка подтолкнула его локтем, заставляя завершить фразу, – засранца».

И все трое одновременно засмеялись, как и я. Впрочем, она меня не заметила – скрылся с глаз, потому что ведро навоза в моей руке никак не вписывалось в эту театральную постановку в духе дворянской эпохи.

Вернувшись в реальность холодного больничного кабинета, Михаил поймал теплую искреннюю улыбку зеленоглазой женщины напротив, сам лыбясь, как и тогда давным-давно. По правде говоря, он был не тем, кто мог рассмешить.

***

Артём лихорадочно удалял переписку во всех социальных сетях, зачистку журнала звонков уже завершил. Оставалось молиться, чтобы подобным благоразумием обладал не один он.

Пять минут назад художественный руководитель театра в шоке влетел на сцену во время репетиции и, оттащив актера в сторону, начал шептать так взволнованно, что в лицо Артёма летели брызги слюны: «Что ты натворил?! Говори».

Новости разносятся быстро. А здесь так и вовсе случай особый, похлеще пьес, в которых играл Артём.

Глава 2

Он презирал себя за то, как поступил той ночью. А ведь раньше считал себя настоящим мужчиной. Те проклятые два часа прокручивались в голове вновь и вновь, как немые негативы фотопленки. Всё могло быть иначе.

2014 год

Михаил

– Продолжайте, пожалуйста, у нас есть ещё полчаса, – аккуратно подтолкнула словами брюнета участливая слушательница.

Сколько таких историй она впитывает день за днём? Как всё в её голове ещё не перемешалось в несъедобный салат?

Стараясь не продолжать дальше размышления на эту тему, мужчина послушно продолжил рассказ:

– Не верю в судьбу, единственных вторых половинок и прочие мистификации. И всё же через три года я встретил её снова. При схожих обстоятельствах, кстати. На сельхозработках – сбор урожая хлопка. Ну знаете, когда осенью вместо учебы студентов сгоняют на несколько месяцев на поля: бараки, жирная несносная еда впотьмах, баня раз в неделю (а то и раз в месяц). Но Вам это всё знакомо.

– Отчего же? Отнюдь нет.

– Как так? Удалось отлынивать?

– Скажем так, я приезжая, с севера. Так что буду рада услышать колоритную историю бывших южных студентов.

– Я учился на третьем курсе архитектурно-строительного. Только для галочки. Отец изволил сделать из меня и сестры потомственных архитекторов. Как видно теперь, не удалось: сестра – журналист, я – автослесарь. Зато с дипломами архитекторов.

Студенты и бюджетные работники – бесплатная рабсила на полях, ежегодные хлопковые рабы. Сейчас вот забавно – элитные букеты из белых коробочек этих растений собирают. Но я ничего красивого на хлопковых полях не углядел, ненавидел их всей душой. Кусты растут так низко, что по девять часов не разгибая спины, никакой самый сильный атлет не выдержит. Та поездка была третьей по счёту за студенческие годы.

Коробочки хлопка раскрываются не все одновременно на ветках, поэтому сбор урожая растягивается на несколько месяцев. Полевые условия кого хочешь доконают. Преподаватели были надсмотрщиками. Ох, и гоняли тех, кто дневную норму не выполнит. Одна коробочка хлопка по весу не больше пяти грамм, а за день нужно набрать от пятидесяти до восьмидесяти килограмм каждому рабочему в зависимости от того, какой по счёту сбор урожая. За систематический недобор отчитывали и стыдили публично, кое-где грозились отчислить с учебы.

Со сноровкой можно было и двумя руками собирать. Но поначалу вряд ли, если только вы не прирожденный талант. Впереди через плечо висит огромный полотняный мешок до самых колен. С утра холодно, к обеду жара. Мы спали в бараках на двухъярусных нарах: и мальчишки, и девочки вместе. Об ароматах, витающих в воздухе, лучше и не вспоминать. Для чистоплюев суший ад.

Тут, конечно, были и полевая романтика, любовь-морковь, и танцы. Чаще под самопальные выступления спонтанно образовавшихся ансамблей из числа студентов. Для разнообразия можно было вечером с новоявленной возлюбленной прогуляться пару сотен метров до ближайшего сельского магазинчика. Шоколадкой угостить.

Тогда я её и увидел во второй раз. Первокурсница. Не растерялась и здесь. Физуха, конечно, у неё не тянула, но смекалкой и обаянием владела, как мушкетер своей шпагой. Распускать волосы на полях непрактично. И, однако же, эта прелестница не просто их распускала, но даже регулярно умудрялась завивать. Из-под пестрой косынки подпрыгивали черные блестящие на солнце кудряшки. От детских щёчек не осталось и следа, теперь её украшали высокие скулы и особый скучающий, медлительно-высокомерный взгляд голубых кошачих глаз. Она умело жульничала, как шулер, и бровью не поводила. Парни вокруг шустро пополняли через раз то её мешок, то свой, а то и вовсе незаметно менялись сумками. Какова валюта? Танцы, свиданки. Не знаю, честно говоря. Нет, она, конечно, не филонила, но никак бы не управилась с таким объемом в одиночку.

Крутились возле неё в основном музыкальные таланты. Мне же медведь на ухо наступил. Я тогда больше по мотоциклам уносился, а не меломанил. Да и в прислужниках ходить не привык. Вниманием девчонок не был обделён, а некоторые даже нет-нет могли и посуду добровольно помыть у меня в гостях, и перекус на скорую руку сварганить.

Так что за проделками голубоглазой брюнетки наблюдал со стороны на приличном расстоянии. Позабавило меня всё это в очередной раз. Даже имени её не знал, равно как и факультет.

1860 год

Персональный темнокожий «Вергилий» подхватила меня под руку и повела за собой, видимо, с готовностью стать проводником в этому аду. Вот «Божественную комедию» я откуда-то помню, а как здесь оказалась, хоть убей, но нет.

– Это ошибка! Меня с кем-то спутали! – шепотом кричала я ей.

Но та уводила меня в сторону от хижин и мужика с кнутом, сбежавшего со страниц вестерна.

– Это? – указала в сторону гигантских угодий с бороздами, усаженными рядами невысоких кустов.

И мы одновременно с моей спутницей произнесли слово: «Cotton».

Я точно знала, что там растёт хлопок, хотя не могла себе этого объяснить.

Когда мы подходили к огромному белому особняку с просторным крыльцом, окнами почти от пола до потолка с синими распахнутыми ставнями и рядами массивных колонн, я тоже будто бы его узнала. Два трехэтажных крыла здания соединялись между собой двумя ярусами посередине из крыльца и открытого балкона, украшенного сводами арок и балюстрадой. За дверями, видимо, был просторный холл на обоих этажах. Перед домом располагалась величественная круглая клумба из стриженных кустарников, диаметром порядка десяти метров. В центре неё разливался трехъярусный фонтан.

Кажется, я всё это видела раньше. Не может быть такого. И тут тело совершенно бесильно обмякло в растерянности, не доверяя себе, как чужаку.

– Ничего не помню. Пожалуйста, скажи правду, умоляю.

– Ох, мамушка, не говори таких слов никому из белых господ. С твоей головой совсем плохо. Ты почти с рождения прислуживаешь мадам, а потом и её дочери. Если обнаружится, что ты больше не годишься, погонят на плантацию, а рабы после десяти лет полевых работ отправляются в могилу. Лучше молчи. Прошу.

Рабы? Это тупик. Разве торговля людьми не карается по закону? Что это за место-то такое на Земле? Остров?

Они все сговорились. Хотят меня убедить, чтобы сдалась. Точно. Ей нельзя верить. Лучше изобразить покорность, собрать информацию о местоположении, а потом думать, что делать. И как можно скорее. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих, как и всегда.

– Что мне делать? Помоги. Расскажи.

– Сейчас пойдёшь за мной и возьмешь поднос с завтраком. Миссуз Хьюз уже на ногах, а тебе нужно наверх во вторую дверь справа к молодой мисс Кэролайн. Сегодня пикник на соседней плантации. Вначале поможешь ей одеться, а потом она должна откусать. Не наоборот. Иначе корсет уже будет не затянуть так туго. А ведь мисс гордится, что у неё самая тонкая талия в графстве.

– Так, я – Нелли?

– Верно и неоспоримо, как американская Конституция.

– Напомни, где мы находимся.

– Поместье «Колыбель магнолий», Натчез, штат Миссисипи.

– Так, – повторяю про себя несколько раз, на память никакой надежды больше, – а год?
– 1860.

Хорошо. Допустим. Предположим, что так и есть.

– А ты?

– Роуз, – её уже это всё очень сильно забавляло, женщина улыбнулась и начала качать головой из стороны в стороны, похлопывая меня по спине.

В голове крутилась, как заведенный волчок, мысль о теории заговора. Это какая-то игра на выживание, костюмированная причуда богатея, или я под гипнозом. Я подумала, что мне хотят внушить чужие мысли, внедрить невольническое мышление.

Но как тогда объяснить дежавю? Дом и пейзаж мне были знакомы.

Взяла поднос с кухни и поднялась по лестнице в центре дома на второй этаж. Замерла перед дверью. Так, надо постучать, наверное?

Молчок.

Тихо повернула дверную ручку и заглянула в комнату только головой.

На кровати были разложены платья, которые критически оценивала, не замечая меня, совсем зеленая девица в пеньюаре.

– Доброе утро, *мадам*... Ох ты ж, Господи, пардон, *мисс*.

Та по-прежнему считала меня шкафом. И лишь без слов сбросила с себя пеньюар.

Я резко зажмурила глаза. Да что ж такое. Предупреждать ведь надо о таком. Что это вообще?

На самом интересном месте её хлопковых кружевных штанишек дыра. Да-да. Зачем они вообще нужны, если никакие прелести не прикрывают вовсе. Широкие штанины не были сшиты между собой, а соединялись лишь на талии поясом. Так, надо будет у Роуз выпросить. Хотя я не лучше – вообще без трусов, кажется. Как-то в шоке от произошедших событий эта мысль меня даже не посетила раньше.

Они ходят в спальне в развратном нижнем белье, но при этом в замшевых туфельках? Что за странные нравы.

Я осматривала разбросанные незнакомые мне предметы гардероба. Как тут без учебника-то было разобраться, что к чему и в какой последовательности? Какая-то сорочка, куча юбок, шнуровки. А в стороне висело что-то невообразимое, словно одежда для пыток – соединенные между собой прутья и обручи. Чем-то напомнило огромную птичью клетку. Видимо, это хитрое приспособление и заставляло стоять юбки торчком. Куда столько одежды в такую невыносимую жару? Воистину, красота требует жертв.

На тумбе лежал томик Шекспира «Ромео и Джульетта».

– Нравится Шекспир, мисс Кэролайн? – пыталась в смущении отвести глаза от интимных частей её тела и завязать хоть какой-то диалог.

– А ты вдруг читать научилась? Когда это успела? И кто взял такой грех на себя?

– Простите, а что грешного в чтении, мисс?

– Разговорилась тут. Кто тебя читать учит? Отвечай! Будто ты не знаешь, что он получит по закону двадцать плетей и уплатит штраф сто долларов. Или ты и хочешь проучить своего тайного учителя? У кого там деньги лишние? Ты про это дело лучше забудь. Времени много стало?

– А давайте лучше завтракать? – воодушевленно хлопнула в ладоши и перевела разговор в безопасное русло.

– Ну уж нет. Вот и не стану. У Уильямсов сегодня будет мороженое на десерт. И так в прошлый раз не смогла попробовать – мало того, что корсет ты так затянула, что я чуть в обморок не упала на солнце, так ещё и дома накормила, как на убой.

– Как скажете. Платье выбрали? Будем одеваться? – мои глаза бегали от одной непонятной тряпки к другой. Интуитивно потянулась к простому хлопковому платью без рукавов – наверное, это было чем-то типа комбинации. А корсет поверх него или снизу? Сто одежек и все без застежек – это не капуста, а боевое снаряжение леди из высшего общества.

Слова «дуреха», «неуклюжая», «выжившая из ума» и «безмозглая», произнесенные в разной последовательности, остались позади, а у меня выступила испарина на лбу, пока все женские доспехи оказались на хрупком теле хамки. Как в таком вообще передвигаются? Вот почему я стала такой мощной бабищей. Затягивать дамские корсеты – дело, требующее нешуточных усилий.

– Ну что уставилась. А волосы? Чего ты с утра такая нерасторопная?

На столике возле зеркала лежал гребень, какие-то кудряшки, шиньоны, шпильки и сеточки. Вдруг мне стало жарко, словно в адском пекле. Я тянула руки то к гребню, то к накладным волосам в полной нерешительности.

Кэролайн, прищурив свои желто-зелёные глаза, с распущенными волосами выглядела, будто приготовившийся к прыжку чёрный шаловливый котёнок.

– Да что с тобой сегодня? Я сейчас уже опоздаю. Экипаж подан.

Потом она что-то истошно сказала про последнюю соломинку³ и выхватила из моих рук щетку для волос. Пока я опешила и с любопытством наблюдала за ней, юная невротичка ловко разделила пряди на прямой пробор посередине, собрала в сетку на макушке пучок из волос.

– Если Томас не пригласит меня вечером на танец из-за вот этого, – она указала на свою голову, – то держись у меня.

После чего Кэролайн сообщила, что невозможно приготовить омлет, не разбив яйца.⁴ Я так и не поняла, к чему она об этом сказала. Девушка схватила веер из перьев и понеслась в своем нефритовом платье так, что казалось, её груди вот-вот выпрыгнут из чрезмерно открытого выреза.

И как можно со всем этим справляться, если цветным нельзя учиться и читать книги. Такие знания ведь не приходят сами по себе. Размышляя и обдумывая план своего освобождения, я плюхнулась на стул возле окна и начала ковырять господский завтрак, отправляя в рот кусочки какого-то запеченного оранжевого овоща и бекон.

Но, как оказалось, всё это было лишь детской игрой в песочнице по сравнению с тем, что меня ожидало дальше. Полоса препятствий ещё даже не началась.

2014 год

«Тебе не показались странными свежие жуткие мозоли на её руках? А почти на всех фалангах пальцев мелкие ранки. Не думаю, что это как-то связано с работой», – сотрудник

---

³ "That's the last straw" дословно с английского – «Это последняя соломинка», но обозначает «С меня хватит», «Это была последняя капля».

⁴ "You can't make an omelette without breaking eggs" дословно с английского – «Ты не можешь сделать омлет, не разбив яиц», но означает, что за всё придётся платить.

полицейскому Комаров обсуждал за обедом в столовой с коллегой свои догадки, накалывая на вилку куриную котлету, слегка перепачканную гороховым пюре.

Глава 3

– Анатолий, где Вы были с 22:00 часов до полуночи тридцать первого декабря?

– Вероятно, дома. Я... я проснулся у себя ближе к обеду первого января. Не стану врать.

Смутно помню, – молодой мужчина с красными прожилками в глазах пожимает плечами.

– Вы же виделись в тот день, верно? И, насколько нам известно, явились уже в состоянии алкогольного опьянения.

– Да, но я бы никогда и не подумал её убивать. Мы любили друг друга больше всех, с самого детства, – подбородок голубоглазого блондина начинает дрожать, больше не в силах сдерживать вырывающиеся из грудной клетки всхлипы и пробивающие себе дорогу гейзеры обжигающих горьких слёз. – Мы могли наговорить друг другу всякого, но боль бы я ей не причинил, будь даже злее самого дьявола. Только не ей.

1860 год

Я решила осмотреть тщательно комнату в поисках хоть каких-то подсказок. Нужно было действовать быстро, в любой момент кто-то мог войти сюда.

Открывая многочисленные ящички, натыкалась лишь на всякие безделушки, украшения и одежду.

В коробке из-под шляпы под кроватью обнаружила связку писем, перевязанных лентой. Но тут закрипели половицы совсем рядом со спальней.

Я быстро вернула свою находку на место и встала по стойке смирно, затаив дыхание. Взгляд с опаской был пригвождён к двери. Сколько времени я здесь проторчала?

Вот ручка повернулась, как я того и боялась, и вошла...

Уф-ф, можно было выдохнуть. Это Роуз.

– Что ты здесь застряла? Мисс уехала полчаса назад. Я тебя уже обыскала. Переживала. Тебе полегчало?

– Увы, так ничего и не вспомнила.

– У тебя полно работы до возвращения мисс с пикника. Вечером всё семейство едет на бал. Нужно столько всего переглядеть внизу. Надеюсь, ты ничего не напортила и не выдала своё сумасшествие?

– Кэролайн только сказала что-то про последнюю соломинку и про омлет. Завтракать отказалась. Может, она хотела поесть яйца?

– О, нет. Всё-таки что-то натворила. Да ты же её вывела из себя! Боже, ну всё, жди расплаты. А ведь я предупреждала, что домашняя слуга – лучшее место для раба. Теперь, мамушка, верно, тебя отправят гнить на плантацию, – Роуз начала причитать, хватая меня за плечи, чуть ли не плача. – Ты должна взять себя в руки, чтобы не сделать ещё хуже. Ради себя.

Моя темпераментная пессимистка-проводница показала подвальную комнату и удалилась на кухню. На лавке лежала высоченная стопка измятых белых вещей. Как я до этого поняла, хлопковые и льняные светлые предметы гардероба – исключительно нижнее белье, которого с учетом пыли и грязи в здешних краях нужно бессчётное количество. Ну, ладно, гладить-то я умею хорошо. Наверное...

Пару минут я вертела в руках металлическую конструкцию. Это, бесспорно, утюг. Похож. Но как он работает, хоть убей, не помнила. После немудреных манипуляций, верхняя часть приспособления открылась и внутри обнаружились угли. Ага, вот оно как хитро-мудро устроено.

Разложила на столе одну из штанин уже знакомого мне подобия развратных панталон. Эти были, видимо, по меркам здешних дам особенно изысканными и модными – по нижнему краю отделаны широкой полосой изящных белоснежных кружев (наверное, шёлковых) и чуть выше какими-то завязками-тесемками.

Щипцами положила горячие угли внутрь металлической штуковины и начала водить тяжелым предметом по ткани. Ничего. Будто игрушечным утюгом балуюсь. Мелькнула догадка поставить его на печь. Может, это так задумано?

Но сколько его держать? Сосчитала два раза до шестидесяти. Надеюсь, считать-то здесь не запрещено законом? Боже, как я запуталась уже. Почему всё так сложно? Вот я сама себе удивляясь, стою в каком-то подземелье и глажу чужие, можно сказать, трусы.

О, это другое дело, утюг рассекает, как пароход, белые волны исподнего, оставляя за собой идеально ровную гладь. Нехитрая наука.

Но тут носом почувствовала запах паленой ткани.

Святые небеса, вот же дурья башка! И что теперь делать? Ведь и идиоту понятно, что хлопок и шелковые кружева не гладят с одним и тем же жаром. Теперь здесь дыра. Но у них же таких десятки. Наверное...

– Нелли!

Я вздрогнула от неожиданности. Боже, чей это голос доносится? Ну, почему, почему так не вовремя?

Нужно было срочно куда-то спрятать испорченную вещь. Но куда? Крик приближался. Стук каблуков по каменным ступеням.

Сжечь в печке уже не успею. Еще пару шагов, и незнакомка окажется прямо здесь. Глаза бегали по тускло освещённой комнате. Время на раздумья истекло. Спрячу в карман передника... пока.

– Нелли! Да что с тобой такое? Я должна ещё за тобой бегать?

Понятия не имела, кто эта женщина. Похоже, что хозяйка, но как её зовут?

– Как ты позволила Кэролайн отправиться на пикник чуть ли не голой? С утра.

– Она сама выбрала такое платье, – неожиданно громко ответила я, смотря в упор на молодую госпожу.

– Да что ты себе позволяешь? Будешь дерзить мне? Тебе ли не знать, что не приличествует молодым леди ходить с совершенно голыми руками и обнажать декольте среди бела дня. Да она же почернеет, совсем как ты, на солнце. Мне так подурнело от её вида и поведения, что пришлось почти сразу же вернуться домой. Боже, она была голодной, словно её не кормят перед выходом в свет. Чем она завтракала?

Я никак не могла посчитать, во сколько стоящая передо мной слишком молодая женщина стала матерью, если её дочери стукнуло уже шестнадцать. Что за порядки в этих местах? Или всё это спектакль, и актрису выбрали неудачно?

– Кэролайн не завтракала.

Молодая женщина со всей силы врезала мне по губам.

– Ты разучилась говорить со своими господами? Так я тебе напомню, хамка! Для тебя моя дочь – мисс, а не просто Кэролайн. Теперь все будут судачить про нас, увидев её наряд и аппетит, а бедняжка из-за тебя не выйдет замуж.

– Нелли! – раздался истерический крик наверху.

Да что же это такое? Нелли – это что синоним рук?

– Марш наверх. Несчастливая девочка зовет тебя.

По-прежнему храня результат своего прегрешения в кармане передника, мчалась по лестнице, а это не так-то просто с моей нынешней комплекцией.

Капризная барышня сняла свою шляпку. Вместе с волосами? Что? Так можно было? Вот это обман века. Локоны были пришиты прямо внутри головного убора. Что ещё можно пришить, чтобы выглядеть привлекательнее?

Девчонка окинула меня надменным взглядом через экран своего настенного зеркала в золоченой резной раме и вдруг прищурилась. Судя по прошлому нашему разговору, это не предвещало ничего хорошего. Не выдержав её ядовитых желто-зелёных цирконов на себе, начала исследовать глазами комнату, пытаясь унять нервные руки, непроизвольно теребящие подол фартука.

– Что это у тебя в переднике? Стащила небось что-то?

– Да так, мисс, ветошь для уборки, – голос сдал в внезапный приступ кашля.

Обманывала, видимо, я неубедительно, потому что она тут же приказала:

– А ну доставай!

Да гори всё синим пламенем, пускай видит. Так ей и надо, малолетней нахалке. Будут ещё всякие слюнтяи мною командовать и нагонять ужас. Ну уж нет.

– Это же мои панталоны с парижскими кружевами! Да как ты посмела? Я тебя ненавижу!

Девчонка начала визжать, привлекая слишком много внимания. Мне было несдобровать. Сколько тут людей в доме живет? Что если они все сбегутся на её спектакль?

– Нелли! – ну помилуйте, когда эти гневные крики прекратятся. – Нелли, сюда, немедленно, ленивая курица!

Я побежала, как пёс на голос. Кажется, им удавалось меня дрессировать, как цирковую зверюшку.

– Ночные горшки смердят. Ты совсем страх потеряла? Да что творится, тебя словно подменили с утра!

Мысли в моей голове бегали по спирали от шока. Я выношу ночные зловонные горшки? Это моя жизнь? Думаю, такую мерзкую повинность непременно бы запомнила.

Рука госпожи указала под кровать. Встала на колени и потянулась за горшком. Мне хотелось перевернуть его над головой этой фуфыри. Ох, как живо я представила себе эту картину. Даже полегчало немного.

В поисках выгребной ямы наткнулась на озадаченного темнокожего мужчину. Он, не церемонясь, отвёл меня в сторону, несмотря на горшок в руках и вручил какую-то круглую коробку.

– Мистер Томас просил передать. Только т-с-с. Прямо в руки молодой мисс. Никто не должен увидеть, – шептал он.

Чувствую, как черепица с моей крыши одна за другой отваливалась, чем дольше я пребывала в этом дурдоме. Хоть бы не уронить посылку вместе с горшком туда, куда уж точно я не полезу.

Выполнив туалетную миссию, словно канатоходец, на цыпочках пробралась в дом, озираясь по сторонам. Всё, я уже по уши в этой игре. Делаю, что говорят и трясусь, как чучело на ветру.

Будьте прокляты скрипучие деревянные ступени. Лишь бы никто не выскочил откуда-то, пока я не передам «контрабанду» в руки этой визгливой мелочи.

Благо, спальня «бешеной кошки» была ближе, чем материнская. Вручила коробку с выражением полной таинственности, удерживая одной рукой в равновесии ночной горшок.

– Вам передали, мисс.

Пока относил горшок, услышала очередной окрик за спиной. Сколько ещё таких сортиров ждут меня в соседних комнатах?

– Нелли! Ты что там умерла?

Я ненавижу эту девчонку.

– Закрой на замок дверь, – скомандовал зеленоглазый котёнок, воображающий себя пантерой.

Сквозь скрежет зубов, повинувалась подающей надежды будущей рабовладелице.

И тут она вдруг, сжав кулачки, начала радостно прыгать. Пф-ф-ф, ребёнок.

На столике я заметила записку, а поверх покрывала в коробке лежала белая тончайшая шаль.

– Подарки от кавалеров – это всегда горячая картошка.⁵

Что, простите? При чем здесь еда?

– О, Нелли, *heart in my mouth*,⁶ – восторженно прижимая обе руки произнесла она, и показалась мне не такой уж противной.

Ничего не разобрав в этой фразе, со знанием дела молча кивала, вспомнив, что таким образом можно не выдать свою глупость. Молчание – золото.

– Как думаешь, может, мне стоит вернуть этот подарок Томасу? Или спрятать? Мама точно не одобрит. Она говорила, что дорогие подарки дают повод мужчине для вольностей с дамой. Нелли, ведь, верно же, он меня любит, раз это прислал?⁷

– Думаю, что да, мисс.

Хотя чутье мне подсказывало, что с их устоями воистину лучше было отправить коробку обратно щедрому дарителю. К тому же, это был предмет женского гардероба. Как-то слишком уж вольно и интимно, по-моему. Но она была так счастлива, а я так виновата за сожженные панталоны, что не посмела испортить этот момент девичьего счастья.

– Он написал, что хочет видеть меня. Сегодня же. Наедине.

Я бросила быстрый взгляд на записку, но там был только какой-то шифр из цифр. С чего она взяла, что это приглашение на свидание?

– Ох, мисс, по-моему, не самая лучшая идея. Влетит нам за это. Вы уверены, что верно истолковали его послание?

Кэролайн схватила с кровати раскрытый фолиант Шекспира:

– Вот же эта страница и строки, указанные в записке. Книга подарена Томасом во время прошлого визита к нам после его возвращения из поездки в Вашингтон. Как тут можно по-другому объяснить. Он придёт ночью к моему балкону:

«Ромео: Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.

Взгляни с *балкона* дружелюбней вниз,

И это будет мне от них кольчугой.

Джюльетта: Не попадись им только на глаза!

Ромео: Меня плащом укроет *ночь*.

Была бы

Лишь ты тепла со мною».

Вот это мастерство конспирации. Тут она сдвинула угольно-чёрные брови и уперла руки в бока.

– И ты поможешь. Я не спрашиваю твоего совета. Сегодня бал. Никто даже не заметит моей пропажи. А ты меня прикроешь, иначе мама узнает, что ты сожгла мою вещь, и тогда получишь по меньшей мере двадцать пять плетей.

---

⁵ Имеется ввиду идиома в английском языке «*is a hot potato*» (буквально – горячая картошка). Выражение означает щекотливый вопрос, ситуацию, неловкость.

⁶ «*Heart in one's mouth*» не означает сердце во рту, а аналогично фразе «сердце в пятки ушло», подразумевает волнение.

⁷ Белые турецкие шали были дорогим подарком в те времена. Одним из первых, кто привёз восточную шаль своей даме, был Наполеон.

Тут же выражение лица Кэролайн сменилось на мечтательное, и она повалилась на кровать.

– Ах, Нелли, когда Томас сделает мне предложение, я непременно сразу же отправлюсь на эмалировку лица⁸. Хочу быть самой красивой невестой.

Ощущение тревоги и одновременно раздражения забиралось ко мне под кожу, запуская когти в мягкую плоть сердца и раскручивая, как юлу, путающиеся в панике мысли. Я ощущала, что закапываю себя всё глубже и глубже, совершая один проступок хуже другого. Дурное предчувствие отдавало напряжением в желудке и гулом в ушах, а ведь нужно было вникать в слова юной дурочки, как следует, чтобы в очередной раз ничего не напутать.

Кэролайн уселась на край кровати и начала давать указания о своем плане ночного свидания:

– Значит так, за обедом я скажу родителям...

Январь 2014 года

Артем

– Господа, честно говоря, для меня загадка, почему я здесь. Не потрудитесь пояснить? Какое отношение-то я имею к произошедшему?

Мысленно Артём давал строгие команды своему телу: *«Контролировать руки. Уверен, что отечественные криминалисты не такие, как копы из голливудских фильмов, но осторожность никому ещё не мешала».*

Артем был не только звездой театра, но и покеристом со стажем, потому в эту минуту его взгляд был невозмутим. Он положил локти на стол, открывая запястья и ладони.

– Артем, нам нужно задать Вам пару вопросов о характере работы Вашей коллеги, учитывая то, что мы увидели на её теле.

«Держать лицо. Это очередная роль. Просто сыграй её, как следует. У них ничего нет на тебя. Меньше вовлеченности, больше равнодушия, и всё получится. А для начала не помешает сбить спесь с воображающего себя детективом типа. Обескуражить», – думал Артём.

– Готов поделиться информацией, если это как-то поможет... лейтенант или ... старший лейтенант? Простите, я не очень разбираюсь в звездности полицейских званий. Так что заранее приношу извинения.

«Обаятельная улыбочка», – ему было привычно держать все жесты в ежовых перчатках.

– Старший лейтенант Комаров Антон Сергеевич. Расскажите, как девушка оказалась в Вашем коллективе, ведь образование у неё, судяется мне, неподходящее.

– На этой должности специального образования и не нужно, подошло бы даже среднее. Как я слышал, она просилась в театр на любую работу. Хоть полы мыть. Видимо, детская мечта или ещё что. Может, думала, что дорастет до актрисы. Но так размышлять было бы глупо даже для неё. Наверное, многие девушки подобного типа романтизируют театральное закулирье.

– Кем она работала?

– Костюмером.

– Но разве шить костюмы может любой?

Вот ведь темные несведущие люди. Даже смешно.

– Шьют костюмы в пошивочном цехе, а костюмер лишь следит за их чистотой, сохранностью, помогает с подготовкой к спектаклю и переодеванием актеров между сценами. Иногда

---

⁸ Эмалировка лица – популярная, но сомнительная, в 19 веке процедура покрытия кожи эмульсией, содержащей свинец. Маскировала дефекты кожи и усики, но свинец ядовит, и такие косметические уловки заканчивались иногда летальным исходом, параличом лицевых нервов.

бывает, конечно, и мелкий ремонт. Это такие прачки, гладильщицы и одевальщицы в одном лице.

– А что костюмы стирают вручную?

– Почему Вы так решили?

Смотреть прямо в глаза. Отлично, старший лейтенант первым опустил их, зарывшись в бумаги.

– Хотя забудьте. Продолжайте. Расскажите подробнее о её работе, привычках, каких-то странностях в поведении, врагах, друзьях в коллективе. Всё, что знаете.

Что ж, хотите, чтобы я Вас заболтал? Да сколько угодно.

– Довольно странно, что молодую девушку привлекла такая рутинная работа. У нас в мужском костюмерном цеху работает шесть женщин. Всё тетушки преклонного возраста, довольно заурядной внешности и старой закалки. Добродушные и шустрые. Многие коротко стриженные – так удобнее с их режимом работы. Ведь спектакли заканчиваются поздно, а костюмерам ещё нужно собрать костюмы за сценой и в гримёрных, а затем отнести на склад.

Судя по её гардеробу, девушка в деньгах не нуждалась. На такой работе не разбогатеешь – зарплата всего двадцать тысяч рублей. Значит, просто искала дело для души. Тут важен художественный вкус, расторопность и большая любовь к искусству.

В норке костюмеров целая армия тяжелых утюгов, творческий беспорядок из ниток, иголок, тазики с мелочью (платочки, носочки, перчатки), которую предстоит выстирать вручную. По мне так никакой романтики, а сплошной адский труд и цейтнот. Баба Маша говорит, что на гладку одной пачки уходит полтора часа, но она за двадцать лет в театре научилась управляться за семьдесят минут. Заранее до выхода на сцену все костюмы нужно разнести по примерным. На каждом пришита бирка с названием спектакля и фамилией актера. У основного состава свои костюмы, у дублеров – свои. Тут ещё и память хорошая важна.

– Как часто актеры встречаются с костюмерами, и имеет ли место какая-то кастовость в их отношениях?

– Театр – настоящая большая семья. Мы, актеры, как малые дети, даже одеться сами не можем. Театральные костюмы страшно неудобные штуки. Да ещё и капризные мы. Каждый со своими привычками, которые костюмер должен помнить и уважать: кто-то заранее одевается, потом повторяет текст, кто-то не любит сидеть в неудобной одежде, и его одевают почти перед самым выходом. Терпение и хорошие манеры нужны в такой работе. Без костюмеров шоу не может продолжаться. Вот Вы видите, что во время спектакля на рубашке актера появилось пятно крови, которое оставил дуэлянт или сажа, в которой перепачкался солдат. На самом деле чистую рубашку за какие-то двадцать секунд костюмеры меняют на рубашку с пятнами. Бывает, что в переодевании одного актера участвует сразу три женщины: одна натягивает сапоги, другая – брюки, а третья – рубашку. Без них мы как без рук. Каждый спектакль большой стресс для костюмеров. Они участвуют во всех репетициях, засекая время на смену костюма. Дежурят с ниткой и иголкой за сценой. Например, однажды перед самым выходом у меня лопнули штаны на самом интересном месте. Спасибо, спасли.

Чтобы ничего не напутать у каждой записана партитура в тетрадке – очередность смены костюмов и описание их.

– Насколько Вы были близки с новенькой костюмершей?

Ха-ха-ха, очень смешно, господа. Понял, к чему Вы клоните.

– Вообще, костюмеры знают нас ближе, чем кто-либо. Уж такая у них работа. Стирать подмышечники, чулки и носки от костюмов актеров – довольно интимное знакомство, согласитесь? В сценических нарядах порой невыносимо жарко. Платья и костюмы настолько хрупкие, что подвергать их стирке или химчистке после каждого спектакля – непозволительная роскошь, потому, как в девятнадцатом веке, мы вынуждены пользоваться такими уловками, как специальные тканые хлопковые подкладки в области подмышек.

И всё же периодически костюмы приходится стирать. Декоративные элементы нужно все отпороть и лишь потом чистить. Первым и последним провалом интересующей Вас моей юной коллеги стала стирка платья, у которого был кремовый верх и черный низ. Его пришлось потихому выбросить после этого. А девушку перевели в мужской костюмированный цех.

Я познакомился с ней спустя две недели после её приема на работу. Тогда она впервые пришла на нашу репетицию в мужское крыло. Одетая была так, словно сейчас выйдет играть дворянку, приехавшую в свою летнюю резиденцию в деревне. Эффектное появление – её дар. Слышно за версту этот хорошо поставленный голос и смех, будто предупреждала: «Готовьтесь, я иду». В старину так трубили перед появлением на улицах города особо знатных особ королевских кровей.

– Вы ей симпатизировали?

– Не стану лукавить, что гораздо приятнее, когда тебя одевает и раздевает красивая молодая особа, а не сварливая тетюшка со сморщенными потными руками. Она сразу подружилась со всеми актерами, могла искрометно пошутить или чуть-чуть укусить зазнаек словами с тонкой иронией, что никогда не вызывало и малейшей неловкости в ее присутствии. Но, честно говоря, сам процесс стал таким обыденным и привычным для актера. Не думаю, что тут есть хоть капля какой-то эротики.

– И последний вопрос: о чем Вы говорили с ней по телефону примерно за час до случившегося в ту ночь? – произнёс Комаров, сложив руки в замок и вращая большие пальцы между собой.

Глава 4

Девушка несколько раз позвонила в дверь, но никто не открыл. В такие моменты она всегда отгоняла от себя плохие предчувствия. Голубоглазая брюнетка могла создать такую правдоподобную иллюзию того, что её стакан полон до самых краев, даже если в нём не было ни капли уже долгие годы. Связка ключей со звоном ударилась о бетонный пол. Подол длинной юбки винного цвета собрал грязь возле двери под номером шестнадцать, когда девушка наклонилась поднять металлических беглецов. Тяжелая стальная дверь распахнулась, не сопротивляясь натиску гостей.

Тишина в квартире сдавливала до предела пружину внутри. Обычно из зала в это время раздавались непомерно громкие звуки фильмов. У зрителя, обитающего среди этих стен, с юности проблемы со слухом – прощальный подарок от недолгой службы на морском судне. Девушка поспешно развязала шнурки на маленьких остроносых ботинках, наощупь повесила твидовое пальто на крючок и двинулась внутрь комнат.

Здесь, как и прежде, были деревянные крашенные полы, издающие причудливые звуки в зависимости от скорости шагов. В комнате привычно пахло сигаретным дымом. Наверное, он опять курил в туалете. Зал был пуст. За ним в проеме висели шторы из бусин. Рассекая их, она слышала мелодию из прошлого, в котором были черно-белые телевизоры, звуки радиолы по праздникам и утренняя гимнастика по радио в то время, как на кухне суетились люди, советские до мозга костей.

Седой мужчина долго смотрел на неё, лежа на подушке, изучал своими аквамаринами так, что становилось не по себе. «Он превратил тебя в домашнюю рабыню. Плохо выглядишь. Уставшая», – было сказано, как всегда, строго, властно, но с беспокойством в глазах. Она подумала: «Будь он добрее, я была бы хорошей девочкой и размазней».

1860 год

Кэролайн, опалая пламенем своих глаз, продолжала посвящать меня в план ночного свидания, в то время как сбрасывала с себя платье с бесчисленными пуговицами, которое я расстегнула.

– Ох, я так взволнована. Подай мне свежие подмышники. Эти хоть выжимай после пикника на палящем солнце.

На пол вместе с платьем приземлились два кусочка ткани в форме полумесяцев.

– Во время обеда скажу па, что нездоровится после двух порций мороженого у Уильямсов. Попрошу, чтобы ты проводила наверх и осталась подле меня на всю ночь, – искательница любовных приключений театрально жестикулировала тоненькими кистями с детскими пальчиками, надувала губки. – Маменька, конечно, встревожится, решит отказаться от поездки на бал, но я её успокою, ведь ты будешь рядом. Когда Томас приедет, поможешь мне спуститься с балкона к нему, чтобы никто из прислуги в доме меня не увидел, уходящей в такой поздний час. Сама же останешься в комнате настороже. Сиди и смотри в окно.

Смешно и противно было от того, что мной помыкает какой-то избалованный ребёнок. Хотелось надавать ей по заднице. Но моё лицо было скрыто от собеседницы – я застегивала очередной наряд на болтушке, перечитавшей женских романов. Как она собирается сигать с балкона с огромной дырой на панталонах между ног? Её Томасу только того и надо.

– Вернусь, когда все слуги будут спать, а родители ещё будут на балу. Ты мигом спустишься вниз и отворишь мне дверь. Захвати с собой мой пеньюар. Прошмыгну в библиотеку, она ближе всего. Переоденусь там, чтобы не привлекать внимание, и останусь на диване с книгой и со свечой. А ты одежду отнесешь в прачечную комнату. Там и так должно быть за неделю

столько белья накопилось, что никто из слуг не заметит. Утром скажу, что не спалось, решила почитать немного и случайно задремала. Всё запомнила? Повтори.

Пытаюсь уговорить себя не вмешиваться с советами. Подумаешь, детки начитались Шекспира, поиграют немного. Ну украдёт Томас парочку поцелуев. Это самое страшное, что может случиться в их высшем обществе до свадьбы. И вообще, я что решила здесь окончательно обосноваться, что так переживаю за последствия?

– Мисс, при всем уважении, это пахнет плохими манерами. Не должна такая юная девушка прыгать с балкона прямо в руки джентльмена. А в том, что он именно таким и является, я сильно сомневаюсь, раз не боится Вас скомпрометировать и подмочить репутацию леди.

– Нелли, опять книги читаешь? Слишком умные слова для черни. За такое руки рубят рабам, между прочим. Всякие ангелы в доме, наподобие сестры Томаса, Эллен Уильямс, навоят на меня жуткую скукоту и дико раздражают. Не думаю, что такие девушки по-настоящему могут кого-то заинтересовать. Сегодня я узнала, что Томас меня любит, а я люблю его. А значит, мы скоро поженимся. И все эти нарушения чопорных правил уже не будут иметь и малейшего значения. Так что я буду лошадь вокруг.⁹

Смысл её последнего предложения останется для меня загадкой, но я не смогла не хихикнуть. Почему постоянно нужно говорить какие-то странные непонятные фразы?

– А тебе, я смотрю, лишь бы языком почесать. Иди на кухню за яйцами, надо ещё успеть голову вымыть.

Причем здесь яйца? Бред какой-то. С ума сойду с этими странными людьми. Мне срочно нужна Роуз. Боже, прошло только полдня, а ощущение, будто часы остановились, продлевая тягостную рабскую вечность.

Роуз вся в хлопотах. На плите что-то булькает, шкварчит, стол весь в муке, как и руки темнокожей женщины-«дирижера» кастрюль и половников в этом невыносимом пекле и клубах пара.

– Спасай меня. Кэролайн вздумалось мыть голову. Признавайся, как в этом деле замешаны яйца?

– Странно, мисс уже принимала ванну на этой неделе.

Нормально при такой жаре мыться раз в неделю? Вот почему местные «леди» предпочитают такой душающе тяжелый и сладкий парфюм. Другой был бы не в силах заглушить запах немытой плоти.

Роуз разбила в миску три яйца, отделила желтки и бодро превратила их в пенящуюся эмульсию, с шумом поставила на стол передо мной.

– Сядь. Не устала притворяться? – отрезала женщина.

Роуз продолжала крутиться, будто и вовсе не желая мне помочь.

Затем вручила ведро с водой, над которым поднимался пар, и миску с яйцами.

– Таз и кувшин наверху в ванной комнате мисс.

– Этим её Величество моет голову?

– А чем же ещё? Мамушка, ты меня убиваешь.

***

Скоро хозяева точно заподозрят неладное. Это лишь вопрос времени. Я совершенно не гожусь для подобной работы. Но эти люди ни за что не заставят меня трепетать от страха. Нужно бежать. Сегодня же ночью. Лучшего шанса и не придумаешь. Дом будет пуст. Забор я здесь нигде не увидела. Главное – по-тихому спровадить зеленоглазую вреднючку, и дело

---

⁹ Horse around – дословно «лошадь кругом». Это то устойчивое выражение означает «дурачиться».

с концом. Выберусь в город, а там война план покажет. Может, и нет никаких тут рабов и плантаций, и окажется всё чьим-то чудовищным экспериментом.

Пока черноволосая, «благоухающая» куриными яйцами, распустила кудри по плечам сушиться, опять крадусь на кухню к Роуз. Конечно, ей я свой план побега не раскрою, но это единственное место в доме, где я чувствую себя относительно безопасно.

– Что молчишь? Расскажи, как тебе тут живется?

– Нелли, ты сама всю жизнь говаривала: «Тихий язык – мудрая голова». Меньше болтаешь – реже бьют. Не до болтовни мне.

На столе стояло блюдо с отварными овощами, салат из свежей капусты и огурцов, ваза с персиками и сливами. Я стащила один персик, за что получила по рукам от Роуз.

– Нельзя прикасаться к господской еде. Не вопила бы, как резанная, с утра съела бы свою кукурузную лепешку и кусок бекона в хижине. Но нет, ты выбрала кнут Харриса на завтрак. Вот и сиди теперь до самого вечера голодная, пока не вернёмся к себе. А там ещё прежде на дворе муку намолоть надо из кукурузы.

Роуз вытащила из печи индейку с бататом, а мой зверь в животе издал голодный рык. Стекланный колпак покрывал стоящее напротив меня желе с кусочками апельсинов, спрятанных в прозрачной кисло-сладкой (наверное) крепости.

– Как тебе хватает терпения не попробовать хотя бы кусочек. Никто ведь не заметит.

– А если заметит, знаешь, что ждет такого вора? Нет уж, спасибо.

Мы вынесли основные кушанья в столовую, а важные белые хозяева лениво тянулись в комнату в парадной одежде, усаживаясь возле роскошных тарелок.

Боже, да это же целый прием, а не семейный обед.

На столе поменьше, том, что с колесиками, я насчитала пятнадцать металлических штук-ковин самого разного размера и формы: лопатки, щипцы, что-то с ручками, смахивающими на ножницы и даже какие-то грабли.

Что это за седой дедушка во главе стола? Верно, отец хозяйки. А где же её супруг? Может быть, в отъезде.

Мужчина сейчас надорвет ведь голос, расточая слова настолько басистыми раскатами грома, что они доносятся даже на кухню, сквозь закрытую дверь:

«Говорю тебе, Грейс, начнется война. Непременно. Они ограничивают наши права и свободы, диктуя отпустить всех черных на волю. Да я столько денег выложил за них, чтобы теперь остаться без штанов из-за новых порядков? По их мнению, Вы с Кэролайн должны пойти на плантацию собирать хлопок? А как подскочили цены на рабов из-за идиотского Севера. Неделю назад купил девчонку за две тысячи долларов. Золотом! Да, когда такое было? Раньше ведь рабы обходились в восемь сотен. Лично я согласен с Хамондом в том, что сама природа создала расу, идеально подходящую для лакейских обязанностей. Да они бы с голоду пухли в своей Африке, если бы не южные штаты Америки. А здесь их одевают, кормят, дают кров».

Удивительно, но этот дед бранился, употребляя такие слова, словно он и не джентльмен вовсе. И это при дамах.

Женщины со скучающим видом развозили морковный суп по тарелкам. Видимо, их занимали любовные романы, а не проблемы рабства и слухи о надвигающейся войне, или просто не выносили вареную морковь также, как и я.

«Дорогой, остынь немного. Все эти разговоры о войне страшат меня», – наконец осмелилась прервать тираду молодая женщина в платье цвета шампанского, похожем на дворцовые замурдрённые шторы, с оборками, лентами и манжетами, украшенными кружевами. Сколько раз в день они переодеваются? И у каждой есть своя одевалица. Видимо, при тотальном бездельи этим особам больше нечем себя развлечь. Не удивлюсь, если у нас с Роуз окажется два платья на все случаи жизни, и те одинаковые, пропахшие сыростью и копченым беконом.

Так, погодите. Она обратилась к седовласому ворчуну «Дорогой»? Этой леди слегка за тридцать, тогда как мужику уж точно больше пятидесяти. Передернулась от представленной картины первой брачной ночи этой парочки. Ну и гадость же.

И тут меня обожгла внезапная мысль: «Вдруг за маленькой Кэролайн прискачет сегодня не принц на белом коне, а пузатый распутник, который годится ей в отцы? А если он её обидит, воспользуется наивностью?»

Хотя какое мне дело до тех, кто меня похитил обманом и принудил таскать свои ночные горшки и гладить трусы.

Когда мы выносили второе блюдо (а самый простой прием пищи здесь, как оказалось, состоит из трех блюд, десерта и кофе, и это, не считая свежих овощей и фруктов), хозяйка дома необычайно тихим голоском начала причитать. Отношение семейства к нашему с Роуз присутствию было ровно таким, как и к серванту с дорожкой, выставленной напоказ посудой.

– Ах, милая, я едва не упала в обморок сегодня в беседке на пикнике Уильямсов, увидев твое кокетство с Томасом. Чарльз, она то и дело роняла то перчатки, то зонтик, пока разговаривала с молодым человеком, устроившимся на маленькой скамеечке у ног Кэролайн. Накручивала локоны, свисающие со шляпки, на свой пальчик. Дорогая, неужели ты думаешь, что никто этого не заметит. Теперь все будут судачить о том, как ты первой призналась юноше в любви прямо в разгар пикника. Улыбалась во все зубы, словно грызун какой-то. Так флиртуют только девки из притонов. Никто разумный не возьмет в жены кокетку, мой ягненок.

– Ну, полно плакать, котенок. Вы же не хотите, чтобы почтенные матроны узрели в Вас признаки истерии, а именно так они и истолкуют откровенное поведение. – Седовласый явно был слаб перед чарами дочери и протянул ей платок. – Остаться старой девой ведь тоже не Ваша мечта, моё сокровище. А меж тем Ваша мама в этом возрасте уже родила Вас, моя дорогая. Посмотрите на Эстер, которая всё хихикала на балах с кавалерами. Ей незаметно стукнуло двадцать три – всё, теперь spinster¹⁰, на которую жалко даже взглянуть.

Кэролайн превосходно отыграла вселенскую печаль и почти предсмертные муки за десертом так, что Роуз отправили за нюхательной солью, чтобы привести мисс в чувства. У родителей и сомнений не осталось в неспособности девушки плясать до утра на балу. С выражением полной немощи она тащила на себе килограммы своей многочисленной одежды по лестнице, опираясь на мою руку. Но только дверь затворилась, девчонка принялась отдавать точные, как уколы шпаги мушкетера, распоряжения.

– Болотная амазонка, черный боулер с пером и вуалью, сапоги для верховой езды, буффон и кожаные перчатки. Пусть всё будет наготове на кресле, а сверху соорудим гору из подушек на случай, если мама зайдёт до отъезда.

Среди сложенных в бумагу стопок нарядов на полках шкафа сложно найти подобие костюма диких женщин-воинов из кожаных ремешков и лат. Хотя интуиция подсказывала, что моя хозяйка не настолько эпатажная чудачка, а её возлюбленный – не Конан-варвар. Здесь не было никакой понятной мне системы обозначений, и уж тем более хранения вещей.

Всё, я сдаюсь.

– Кэролайн... То есть, мисс Хьюз. Я понятия не имею, как выглядят все эти вещи, – и потом тихо добавила. – Не помню, по правде говоря. Неважно себя чувствую с самого утра.

– Что ты придумываешь? Совсем обленилась, старуха. Кого волнует, как ты себя чувствуешь. Может, ещё доктора вызвать? Ох, если бы не сегодняшняя побег, я бы тебе устроила взбучку. Не дури. Тащи сюда вещи, кому говорю! И почему платье после пикника не вывесила проветриваться? Вот же, дуреха, оставила его на стуле прямо возле окна выгорать на солнце! А исподнее так и будет валяться на полу до самой стирки в понедельник?

¹⁰ Spinster – буквально «прядильщица». Слово обозначает старых дев.

Я продолжала стоять, как памятник на городской площади, что окончательно доконало девицу. Свирепая кошка запустила в меня щеткой для волос. Но я не сдвинулась ни на шаг, лишь расправив с достоинством плечи и подняв голову, ледяным голосом произнесла медленно, почти по слогам:

– Или ты, мелкая несносная девчонка, извинишься и прекратишь, или я разворачиваюсь и иду прямо в спальню твоей матери и выкладываю всё, как есть. А потом меня пусть хоть убьют, но хамства не потерплю. Я могу сделать так, что твой Томас будет бежать от тебя за тысячу вёрст, если того пожелаю.

Юная дрессировщица рабов и бровью не повела, продолжая стрелять беспощадно красивыми, но напрочь бездушными желто-зелеными цирконами.

Я сделала полный гордости разворот на пятках и направилась к двери. Малявка была уверена, что я блефую. А вот и нет. Как удачно мне отшибло память, а вместе с ней и рабский страх.

Выхожу в коридор.

Может, я чего-то не знаю?

Делаю шаг, второй.

За спиной тишина. Храбрится девчонка. Чего молчит-то?

До спальни хозяйки почти рукой подать.

Интересно, что будет потом? Должно быть, мне не поверят или сделают весьма оскорбленный вид, мол как ты посмела ничтожная чернь порочить белых господ.

Плевать. Ещё посмотрим, кто кого.

Даю последний шанс Кэролайн одуматься.

Три, два, один.

Стучу в деревянную резную дверь.

Заскрипели несмазанные петли.

– Миссис Хьюз?

Молодая госпожа стоит ко мне спиной.

– О, ты научилась произносить это слово без акцента за столько лет. А где же твоё «миссуз»?

– А-а-а, – я закричала, как припадочная, и закрыла ладонями глаза при виде лица какого-то Франкенштейна, когда тело в платье цвета шампанского наконец повернулось ко мне. Это существо схватилось за сердце.

– Нелли, у меня чуть приступ не случился от твоего крика.

– Ч-что... что... случилось с Вашим лицом, миссис?

– О, это я прочитала недавно в женском французском издании, что ломтики сырой говядины сделают кожу, как у ребенка, ни одной морщинки не останется. И я тебя не звала, так что впредь будь добра не докучай мне.

– Я только хотела сказать...

Мой голос прервал истошный визг из спальни, будто кого-то резали скальпелем без обезболивания. Грейс Хьюз тут же сорвалась с места и понеслась в комнату дочери, придерживая отвратительное мясо на лице.

– Ох, маменька, мне дурно, а Нелли бросила меня и даже не пытается облегчить страданий. Я бессильна перед ней. Умоляла не уходить, но она нарочно издевается и слушается только Вас.

2014 год

Анатолий

– Анатолий, для целей терапии наш разговор будет записан на диктофон, так мы не упустим важные детали и тщательно проанализируем. Вспомните наиболее яркие эмоциональные моменты. Важны детские воспоминания, но можете начать с любого.

«Сколько такие шарлатаны зарабатывают интересно? Уверен, что бесполезная болтовня по душам ничем не поможет. Мозгоправы недоделанные», – подумал блондин с взлохмаченными кудрями и необычайно подвижным лицом, что в будущем проявится в десятке причудливых мимических дорожек на тонкой коже. Иногда он смешно морщил нос, горбатый от «вражеского» удара стеклянной бутылкой в подростковом возрасте.

– О чем здесь говорить? Как тут выбрать, что самое яркое? Как Вам, например, такое? – с вызовом в голосе сказал парень «очкастой псевдо-врачихе» (именно так враждебно-пренебрежительно он воспринимал Татьяну). – Я был ближе всех, знал о ней то, чего не знает больше никто, а если захочу, то так и останутся эти секреты только при мне. Унесу с собой в могилу. А что она? Выскочила замуж, пока отбывал два года в вонючих казармах на воинской службе.

Из детства хотите? Вот Вам, пожалуйста. Она никогда не оставляла своих обидчиков без наказания. Однажды бегал за ней по квартире, завалил на диван, захватив в замок своих рук её запястья, а сам запрыгнул сверху. Набрал побольше слюны и, выпуская противные скользкие веревки изо рта, затягивал их обратно в паре сантиметров от её лица. Визжала, как резанная. Ей тогда было одиннадцать, мне двенадцать. Наигравшись, конечно, отпустил.

Убежала. Закрылась в ванной. Так я свет выключил и начал под дверь рассказывать страшные истории. А потом притворился вампиром, сопровождая всё красочными словами. Она, книжная жрица, начиталась до этого у Гоголя про упырей и поверила ведь, что я могу высосать её кровь. Выскочила из ванной, вооружившись табуреткой, и так впечатала мне ножкой в лоб со всей силы, что солнечные зайчики поскакали перед глазами. Было реально больно. Я отшатнулся и упустил её. Выбежала во двор.

Так вот, знаете ли, с тех пор я не слишком уж изменился. Не боитесь оставаться со мной наедине?

«Фразёр», – Татьяна мысленно приклеила стикер на лоб Анатолия.

«Паучиха», – произнёс про себя блондин.

– С меня харэ на сегодня. Покедова, – блондин тряхнул головой, наматывая шарф, и вальяжно, осанисто зашагал своими идеально ровными ногами в сторону выхода.

Глава 5

Как бы он не корил себя за слабость и малодушие, которые дозволил, ни за что не признается. Да и кто в своём уме способен поверить в такую небывлицу? Особенно, когда настоящие следы заметны, а гончие уже отправились слишком далеко от истины на ложный запах. Не мешайте людям заблуждаться.

1860 год

Мы обе вынуждены были на время изобразить перемирие. Из разных мотивов, конечно. Но канонир уже поджег фитиль, а значит, пушка вскоре рванет.

Лишь стихли звуки коляски и топот пары запряженных лошадей, наша «умирающая», о, чудо, исцелилась, тут же соскочив с кровати.

– Доставай вещи и немедленно одевай меня.

Я расцепила сложенные на груди руки и зевнула, прикрывая ладонью рот.

– Да как-то не хочется.

И даже не встала с мягкого кресла.

– Да тебя завтра же четвертуют или заклеят твой высокомерный лоб.

– Уж лучше сдохнуть, чем Вам прислуживать. И кроме того, на Вашем месте, юная мисс, я не была бы столь уверена. Кто знает, может, наутро всем будет не до меня в попытках спасти Вашу тонущую репутацию.

– Что?

– О, Кэролайн, дитя мое, Вы совершили непростительную ошибку, доверив постороннему человеку свои сердечные дела. Это всё глупая молодость, – я удобнее пристроила скрепленные ступни на миниатюрном пуфике возле кресла. – Никогда не знаешь, как человек себя поведет, будь он верным и преданным хоть тысячу лет. Поминайте Иуду, моя дорогая. Вы, белые господа, абсолютно беспомощны без наших рук и ног. Да если я захочу, Вы завтра же взыщите себе смерти, как желали того мне минуту назад. Только представьте, сколько прекрасных сюжетов для сплетен может произвести на свет эта называемая Вами чернь. Выбирайте любой. Вот Ваш Томас ждет под балконом, а я зову во весь голос Харриса в страхе, что Вас вздумали похитить в отсутствие родителей. «Вздор», – скажете Вы. Ну, нам ведь простительно, безграмотным людям. Однако, присутствие кавалера не ускользнет от прислуги, слух поползет на кухни и прачечные соседних плантаций, а там случайно обнаружится подслушивающими управляющими и господами.

Или вот ещё отличная история. Вы вернетесь домой ближе к рассвету, а я вдруг задремала, – я театрально прикрыла веки. – Старая стала. Куда мне за Вами, молодежью, угнаться-то. Стоите на крыльце, а никто не отворяет. Тут Ваши папенька с маменькой с бала возвращаются. Ой, нехорошо это. Отчихвостят от души. Может, отправят учиться в закрытое заведение для настоящих леди, коей Вы, увы, пока не являетесь.

Хотя можете просто остаться «болеть» дома, и тогда победа будет на Вашей стороне. Но, сдастся мне, желание увидиться с Томасом превозмогает все страхи.

– Ты не посмеешь! – девчонка начала топтать ногами, выкрикивая проклятия, но понимала, что это сражение она проиграла.

Громко вколачивая каблучки своих домашних туфель в ни в чем неповинный деревянный пол, она распахнула шкаф, выбрасывая из него наружу один за другим объемные бумажные свертки, одновременно их раскрывая.

Предвкушая ночной побег из адского имения, я продолжала подтрунивать над глупой малышкой:

«Ведь можете, когда захотите».

В меня полетел сапог, который Кэролайн нашла, лишь встав на колени. Но девчонка промазала. Охотница, видать, из неё никудышная.

Меня восхищает, на что способна влюбленная девушка.

Ага, вот она ты какая, болотная амазонка. Очередной изысканный, но более строгий и менее пышный наряд болотного цвета: длинная юбка с каким-то утяжелителем (как я потом сообразила) с пуговицей, на которую пристегивался непомерно длинный свисающий подол, и приталенный жакет.

– Ну, Нелли-и-и, помоги. Томас, наверняка, будет с минуты на минуту, – сказала Кэролайн, поворачиваясь ко мне спиной.

Во-о-от, это уже другое дело.

Из соображений безупречного вида костюм предполагал замысловатые крючки и петли для соединения верха (жакета) с низом (юбкой). С этим я, к своему удивлению, справилась быстро.

Кэролайн натянула на голову черную шляпку-котелок с длинным пером неизвестной мне птицы, опустила на лицо вуаль и элегантно повязала на шее воздушный шарф, ведь вырез жакета был довольно глубокий. По мне, так под ним не хватало блузы или рубашки.

Январь 2014 года

Михаил

– Вам известно, что у неё с руками?

Мише было забавно наблюдать, как отечественные следователи подражают Шерлоку. Он внутри рассмеялся, ведь история, которая прозвучит, будет такой дурацкой.

– Лейтенант Белозерский, Вы не поверите, но это засосы, – брюнет неловко потёр щетину на подбородке.

– Что на каждом пальце? – полицейский недоверчиво прищурился. «Фетишисты чертовы». – Вы серьезно? Ранки совсем не похожи на подобные «следы любви». Свежие, множественные красные мелкие точки на фалангах, будто исколотые иголками.

– Это кошачьи засосы, – не мог не улыбаться подозреваемый, оголяя ряд ровных некрупных зубов с выразительными клыками, хотя ситуация была совсем неподходящая для веселых историй.

– Михаил, Вы шутите? Так вот, наша беседа записывается на во-о-он ту камеру, как я Вас и предупредил в самом начале. Всё будет запротоколировано, поэтому, пожалуйста, говорите только по делу.

– О, прошу извинить, если я повел себя как-то неподобающе. Просто это действительно очень занятно. У неё был такой огромный пушистый рыжий кот с зелеными глазами. Почему я сказал «был»? Он и сейчас есть и жутко скучает по хозяйке. Его забрали от мамки-кошки слишком рано. Не насосался, бедняга. Так с этой травмой теперь и живет всю свою оставшуюся кошачью жизнь. Ему уже, наверное... – Михаил прищурился, что-то считая в уме, – десять лет. Стоило ей устроиться на диван или прилечь на кровать, этот несчастный тут же начинал сосать пальцы, утробно урча и кайфуя, периодически грыз и покусывал. А она, добрая душа, терпела. Вычитала где-то, что это у котов от стресса, и нельзя им запрещать. По мне так полная чушь. Но стоило его отогнать, так выть начинал, что соседи прибегали жаловаться. И ведь, зараза, не оставит в покое, пока не проделает эту процедуру с каждым пальцем. Только большие пальцы были ему не по вкусу – неудобные, видимо. А протянет руку, чтобы погладить этого

озабоченного, котяра тут же с гордым видом спрыгивал и уходил подальше, демонстративно усаживаясь к ней спиной.

Михаил грустно улыбнулся. Но сотрудника полиции трудно было провести эмоциональным спектаклем. Он не раз видел, как совершившие убийство на почве ревности мужчины рыдали на могилах своих женщин, как матери бились, словно рыба об лёд, и готовы были покончить с собой после того, как убили младенца по неосторожности. Но перед законом они были преступниками. Эмоции ничего не значат, важны поступки.

– А мозоли? Тоже кот виноват? – с нескрываемым недоверием Белозерский продолжил допрос.

– А вот это мне незнакомо, – коротко стриженный брюнет закусил губу, бессознательно выписывая фигуры под столом ботинками песочного цвета. – Не обратил внимания тогда от волнения. Сам не знаю, если честно. Работа у неё ведь не физическая. Да Вы и сами, наверное, уже выяснили, чем она занималась.

1860 год

– Ох, надеюсь, Харрис ещё не спустил собак. Ну где же ты, Томас? Поторопись, – причитала Кэролайн, меряя нервными шагами комнату, в полной готовности, пока я чуть ли не умираю от удушья (спасибо её тяжёлым духам).

Злые собаки не входили в мой план побега. Может быть, я все-таки слишком преждевременно задалась этой целью. Катастрофически мало информации. В какой стороне город? Насколько большая эта плантация и кем охраняется? Что за её пределами?

Но ещё одного дня здесь просто не вынесу. Да и как притворяться тем, кем не являюсь. Будет только хуже. Сама судьба предоставила такой шанс, грех не воспользоваться.

– Это он! – девчонка запрыгала и начала хлопать в ладоши, поворачиваясь ко мне. – Нелли, я не ошиблась, распознав его послание.

Я первой вышла на балкон осмотреться, нет ли любопытных посторонних глаз поблизости. Потом жестом поманила Кэролайн. Как представляю, что она будет перелазить балюстраду в своем костюме, а потом висеть почти над головой Томаса, держась за фигурные балясины. Да только за это шоу он уже должен будет на ней жениться, если джентльмен.

Мои догадки оправдались – разглядев ближе мужчину на вороном коне, пришла к выводу, что ему не меньше тридцати лет. Выглядел он элегантно и безупречно: черный цилиндр на голове, такого же цвета фрак и брюки с лампасами, белоснежный жилет, на шее искусно бабочкой завязан черный платок, а из кармашка жилета тянулась цепочка от часов. Он спешил и снял перед Кэролайн шляпу. Удивительно, но кавалер оказался невероятно предусмотрительным, ведь привел для леди второго гнедого коня. А я до этого всё ломала голову, как они будут вдвоем скакать на одной лошади или пешком станут гулять по полям.

Лицо выдавало его – в глазах брюнета читалось озорство, а вздернутые от предвкушения уголки губ щекотали усики. Понятное дело, что к своим годам он уже набрался опыта и далек от непорочности.

– Маленькая мисс Хьюз, Вы и правда собираетесь прыгать? – он приготовился к авантюре Кэролайн, угадав её замысел по взгляду, изучающему ограждение балкона, и охотно расставил руки в рвении поймать девушку.

– Закройте глаза, мистер Уильямс, – строго приказала современная Джульетта.

– А как же я Вас тогда поймаю? Вы упадете и подвернёте лодыжку.

– По крайней мере пока я буду перелазить через перила. Ну же, – девушка притопнула ножкой.

Ох, знаю же, будет подглядывать плут, но прикинулся, что зажмурился.

Кэролайн перебросила одну ногу, сев поперек перил, затем поставила её с обратной стороны и протащила затем вторую. Чуть согнувшись, перехватила по очереди руки ниже за балясины.

– Нелли, встань на колени, просунь руки между столбиками и потяни мою юбку на себя. Всё, ловите меня, Томас, – и тут же отпустив руки, полетела спиной вниз.

У меня чуть сердце не оборвалось. Но не зря Грейс называла дочь ягнёнком. Она, действительно, словно тростинка, весит вряд ли больше барана. Думаю, Томас не надорвался. Да и не так уж высоко расположен балкон.

Она поправила свой наряд и уселась боком на лошадь, забыв о моем существовании, как и Томас. Ну конечно, кто отвешивает поклон и прощается с рабынями, и уж тем более благодарит.

Проводив их скрывающиеся вдали фигуры, я не услышала при этом лая собак. Надо торопиться.

Побоялась повторять за Кэролайн, ведь ещё впереди нешуточная пешая дистанция. Наверное. Отбитые пятки и ушибы – не самые лучшие помощники беглых рабов. Стащила простынь с кровати. Интересно эти фокусы точно работают? Но альтернативы нет. Через главный вход выбираться слишком рискованно. Завязав двойным узлом простынь за балясину на балконной балюстраде, попробовала потянуть ткань на себя, проверяя на прочность. Ох, и почему я такая толстуха? Но это, видать, ненадолго, с такими голодными приключениями скоро догоню Кэролайн. Кстати, о еде в пути я даже и не подумала. Как же всё сложно. А сколько можно прожить без воды? Ну, максимум, наверное, пару дней. Здесь есть река, но грязная вода – верный путь к дизентерии, и тогда далеко точно не убежишь.

Перелезаю через ограждение и хватаюсь руками за привязанную простынь, упираясь ногами об стенку. Ой, мамочки, а дальше-то что? Страшно отпускать руку, чтобы перехватиться ниже. Вроде и высота от силы три метра, но с этим весом я такая неуклюжая.

Начинаю буквально ехать руками по обжигающему кожу материалу. Как же больно. Кожа на ладонях горит. Не выдержав пытки, отпустила руки на безопасной высоте, хотя в пятках моментально отозвался удар грузного тела об пыльную рыже-червонную землю.

Несусь во весь опор по подъездной дороге мимо клумбы с журчащим фонтаном. Господский дом стоит на возвышенности, поэтому бежать под гору терпимо, но всё же дыхание с непривычки начинает сбиваться. Предательски закололо в боку.

Нельзя останавливаться. По краям пыльной дороги высокие сосны с голыми стволами внизу. В случае чего и не спрячешься ведь быстро.

Вот я и накаркала. Откуда-то слева с полей раздаётся приближающийся собачий лай. Пытаюсь ускорить темп, но пухлые свинцовые ноги меня не слушаются, в висках бешено стучит.

Что будет, если меня поймут? Надо было днём с кухни стащить еду, чтобы отвлечь собак на лакомство. Никудышный из меня стратег.

Сворачивать с дороги? По темникам среди кустов споткнусь и сломаю ногу. Хоть бы они бежали не в эту сторону. Трудно определить, откуда раздается звук, в темноте.

Они уже совсем близко. Я оборачиваюсь, но в этот момент, как назло, спотыкаюсь об кочку и чувствую, как чьи-то зубы глубоко вонзаются в мою голень. Длинноухий пес со свисающими складками кожи и обманчиво грустным взглядом не грызёт меня или не рвёт в клочья, как я себе представляла, но и не отпускает ногу, вцепившись в неё мертвой хваткой. Я его добыча. Он, как тюремный страж, караулит и не дает мне подняться, рыча при малейшей попытке пошевелиться.

Стук копыт. Вот, видимо, и хозяин ишейки подоспел.

Скакавший галопом мужчина оказался Харрисом.

Боже, мне же конец. Перед глазами поплыли кадры из утренней сцены с кнутом за простую перепалку с Роуз. С ужасом представляю, что мне грозит за побег. Об этом я Роуз не спросила.

Он пинком вонзает острый нос своего сапога в моей живот, чтобы перевернуть на спину и разглядеть находку своего пса.

– Далеко собралась, черножопая карга?

– Масса Харрис, – коверкаю, как Роуз, обращение к управляющему, чтобы не выдать лишнего, – простите. Я бежала за доктором. Ай-ай-ай, мисс Хьюз стало хуже. Её схватили страшные судороги. Вот так вся дергалась, – изображаю конвульсии. – Я отчаялась и не знала, что делать. Разве позволительно было взять на душу такой тяжкий грех? – как можно правдоподобнее хватаюсь ладонями за лицо в приступе горя о якобы умирающей хозяйке.

– Возвращайся в дом к своей госпоже. Доктор, как и все, наверняка, на балу. Я сам поеду за ним. Только не вздумай глупить, Нелли. Сегодня из-за бала усилили ночное дежурство белые патрули. Тебя всё равно поймают, и я лично отрежу тебе уши или подсеку жилы на ногах. Обещаю. Что уставилась? Живо назад, – за последними словами последовал удар плеткой, словно я лошадь, которую только так и следует подгонять.

Выходит, я не добралась даже до соседней плантации. Они во всем превосходят и всегда будут на несколько шагов впереди. Сторожат и патрулируют. Сволочи, всё до мелочей у них продумано, лишь бы использовать несчастных людей для своего комфорта.

Вот же яму я себе выкопала. Приедет врач, с ним и встревоженные родители девчонки, а Кэролайн нет. Закрываю лицо руками и начинаю беззвучно кричать от безысходности. Я весь день крепилась, храбрилась, верила, что меня не сломают. Была зла, как черт, на малявку и мысленно уже с ней навсегда попрощалась. Но сейчас из бутылки с газировкой, которую трясли и пинали с самого утра, вылетела пробка.

Больше не могу делать вид, что справлюсь и не поддамся. Ничего не могу. Нельзя идти с вилами против пушек. Я всего лишь женщина, чёрная женщина, неспособная противиться жестокому заведенному механизму. Всё равно что голыми руками пытаться остановить лезвие мясорубки. Я даже врезать, как следует, не могу этому Харрису. Отбери у него лошадь, собак и плётку, были бы шансы. Но об этом можно только мечтать, в то время как меня перемолотят также, как и тысячи, тысячи моих предшественников. Мы здесь какой-то скот или вещи, но уж точно не люди.

До меня наконец-то дошло – я никто. Единственная ценность моей жизни в том, какую пользу я принесу хозяевам. Нет пользы – не будет меня.

Боже, что же сейчас будет со мной, когда обнаружат пропажу Кэролайн, если госпожа разъярилась лишь за отказ от завтрака несносной девчонки.

2014 год

Михаил

– Не отчаивайтесь, Миша. Можно Вас так называть? Всё-таки это уже наша вторая встреча. – Брюнет одобрительно кивнул, упираясь взглядом в знакомый забор за окном, разделяющий будто два разных мира.

Зеленоглазая блондинка в белом халате старалась не разглядывать тайком атлетическое тело своего собеседника. Но и лицо Михаила с первой же встречи всё время стояло перед её глазами, вызывая приятное волнение: прямой острый нос (никогда раньше ей бы в голову не пришла мысль о красоте мужских носов), brutальная щетина на квадратном подбородке, обаятельная, добрая, но редкая улыбка и невероятного ржаво-коричневого цвета, серьезные, задумчивые глаза под низкими строгими бровями. Врач внушала себе сохранять зрительный контакт, сосредоточившись на работе:

– Память – капризный механизм. Это не флешка, не фотография и не сундук, из которого в любой момент можно достать нужное воспоминание в точности так, как это и было. Скорее, память – детские кубики с кусочками картинок со всех сторон, которые сложив верно воедино, получаешь результат. Но ведь столько возможных комбинаций можно собрать из одного набора кубиков. Какой-то случайно потерялся, а другой, чужой нам подбросили на детской площадке.

«Похоже, со мной разговаривают, как с психом или умственно отсталым. Хотя эта женщина, кажется, довольно понимающая и сочувствует. Но поможет ли? И хочу ли я, чтобы помогло?» – думал Михаил, изучая шрамы на своих руках, напоминающие о заброшенном хобби.

– Я Вас понял.

– К сожалению, сами люди, не профессионалы, не способны отличить конфабуляции от истинных воспоминаний. Но это нормальное явление, хотя в особо тяжелых формах граничащее с психическими расстройствами.

– Конфа... что? Что это такое?

– Ой, простите, меня. Это ложные или переосмысленные и видоизмененные воспоминания. То, чего не было на самом деле. В психиатрической практике довольно много как веселых, так и трагичных случаев. Как-то я работала с двумя сестрами и попросила рассказать о лучшем воспоминании из детства. Одна из них в мельчайших деталях рассказала, как приходил Санта Клаус, но она в нем тогда не признала переодетого отца. Даже описала свою пижаму и подарок. На что вторая, младшая сестра, начала возражать, что так выглядела её пижама, а не сестры, и куклу подарили тоже ей. Они чуть друг друга не прибили в моем кабинете. А на следующий день принесли фотографию с того праздника. И действительно, в своих воспоминаниях старшая сестра присвоила пижаму и подарок младшей, хотя в шестнадцать лет ей явно было уже не до кукол и спальной одежды с разноцветными пони. А другой случай прочла в журнале по психологии. Но это трагедия и свидетельство полного непрофессионализма полицейских. Мужчина признался в убийстве, которое не совершал. У него было железобетонное алиби, но, благодаря расстройству памяти (наверное, на нервной почве), в мельчайших деталях описал преступление. Причём с каждым допросом его рассказ обрастал всё большим и большим количеством подробностей. Почему-то это никого не насторожило, и невиновного человека казнили. Показатель раскрываемости преступлений, видимо, оказался важнее человеческой жизни. Никто не может абсолютно доверять своей памяти. Но давайте продолжим и вернемся к Вашей истории. О чем Вы поведаете мне в этот раз?

Глава 6

Скакать верхом Кэролайн любила больше всего на свете. Большие танцев и поездок к тётушке в Саратогу, большие пикников и воскресных выездов в город на богослужения пресвитерианской церкви. Их сосед, мистер Уильямс, отец Томаса, занимался выведением поразительно крепких пород лошадей. Зная неудержимую страсть своей дочери к этому не совсем женскому занятию, мистер Хьюз подарил Кэролайн год назад миниатюрного рыжего скакуна легендарной породы Морган. Грива, хвост и голени животного были черного окраса, что эффектно выделяло его среди других собратьев в конюшне. Жеребчик по кличке Персик обладал спокойным темпераментом в отличие от своей наездницы. Только вот теперь скакать ей ещё долго не захочется.

Январь 2014 года

Михаил

Мужчина поёжился и натянул повыше ворот синего мягкого свитера. Непонятно, почему его колотило: холодные лампы, цвет стен в кабинете и снег за окном или что-то личное? Тайна?

– Однажды, выезжая из дворов многоэтажек на проспект, увидел девушку, которой, видимо, очень хотелось делать всё в жизни самостоятельно. Ох, уж эти феминистские настроения. На каблуках и в длиннющей юбке она тащила запаску из багажника. Я притормозил у обочины, продолжая наблюдать, что же будет дальше. Вдоль дороги росли колонны любимых деревьев аллергиков, повсюду валялся тополиный снег. Брюнетка присела возле пробитого колеса, извозив весь подол своего чудесного наряда в пухе. Гипнотизировала болты на колёсах пару минут, потом взялась за ключ и начала вертеть. Как она собиралась справиться с задачей без домкрата и мужчины? Я вышел из машины. Достал инструмент и двинулся к ней. Предложил помощь и лишь тогда понял, что это она. Та самая с огорода на станции юных натуралистов, с хлопкового поля. Только теперь девушка была при параде: в красивой бордовой юбке, каком-то жилете под грудь, который на ней и заканчивался, не доходя до плеч, поверх белой льняной рубашки. Она так отличалась от тех, с кем я обычно встречался. Сказал в шутку, что помогу за одно свидание взамен. Брюнетка куда-то очень спешила (то и дело поглядывала на часы и ходила из стороны в сторону), потому пришлось ей согласиться. Номер телефона не дала, но обещала прийти к семи часам вечера на свидание. Условились встретиться у светящихся разноцветными огоньками фонтанов поблизости.

– Пришла? – поинтересовалась Татьяна.

– Нет, конечно. Я ждал целый час. Думал, девушка же, всякое у них бывает, долго собираются, ищут дорогу, заплутав. Хотя сразу были догадки, что сжульничает. Видимо, не зацепил ничем её.

1860 год

Похоже, раньше я всё-таки подворовывала с кухни или постоянно доедала завтраки за Кэролайн. Иначе как ещё можно объяснить мой вес при двухразовом однообразном питании. Только ноги коснулись шахматного пола просторного крыльца господского дома, начала колотить в дверь, пытаюсь отдышаться после быстрой ходьбы. Мне отворил пожилой темнокожий мужчина с седыми усами и бакенбардами, на его лицо падали лучи горящей свечи. Во всем доме была густая непроглядная темень.

– Нелли, что стряслось? Ты вся мокрая и запыхалась.

Так, ему надо тоже врать. Никому нет доверия.

– Молодая мисс в припадке. Я побежала за врачом и наткнулась на Харриса. Он сам поскакал за помощью, велел мне вернуться. Проводи наверх, пожалуйста.

Мы двинулись по скрипучей лестнице, застеленной ковровой дорожкой, в комнату Кэролайн, которой там, конечно же, не было. Но мне предстояло разыграть жуткое удивление и панику.

Я затворила за собой дверь, а затем начала вопить так, чтобы старый привратник (честно, не знаю, как официально именовалась его роль в этом имении) меня расслышал.

– О, святая богородица, – интересно, я правильно причитаю, а вдруг они не католики, а я тут Деве Марии поклоняюсь, – куда же подевалась наша бедная девочка? – А сама тем временем быстро отвязываю простынь от перил на балконе и смятую бросаю на кровать. – Неужели в бреду вышла из дома? Она же простудится.

Выскакиваю на лестницу и сталкиваюсь с обеспокоенным стариком.

– Ну Нелли, белые господа теперь тебе голову оторвут за то, что проглядела девчонку. Верно, провела она тебя. Диву даюсь, как зная с пеленок её вертлявый и плутоватый нрав, не сумела раскусить эту забаву.

Чем же всё обернется для меня? Что наплетет Кэролайн при возвращении домой? Сижу, будто оседлала бешеных ежей, терзая себя за самонадеянность. Если бы сбежать было так просто, разве все эти несчастные люди продолжали оставаться в скотских условиях? Возомнила, что выше их и проворнее.

Едут. Я пропала. Всю злость сорвут на мне, как на огородном чучеле.

Первой в комнату заскочила Грейс.

– Говорила же, что не надо ехать на бал. Чувствовало сердце, что ей станет хуже. Но где же она?

– О, миссуз... Я побежала за доктором. Юной мисс стало совсем дурно: она выгибала спину и запрокидывала голову, руки и ноги её выкручивало. От страха и волнения у меня совсем мозги отшибло. Харрис поехал за помощью, велел вернуться в дом. А мисс не оказалось в комнате.

– Будь ты проклята, Нелли! Срочно на поиски! Кэролайн пропала, – начала кричать госпожа мужу из комнаты.

Мужчины, включая доктора и надсмотрщика Харриса, оседлали коней и пустились вскачь.

– А ты иди осмотри весь дом и сад. Может, бедняжка в бреду заплутала.

Я решила сама на время затеряться на просторах, прилегающих к дому, чтобы отсрочить неприятные объяснения с хозяйкой, и выдавая придуманные детали, не запутаться в собственном вранье. Да как можно в кромешной темноте в бесконечных полях и лесах найти эту парочку? Тут хоть всю ночь скачи.

Мужчины из спонтанного «поискового» отряда всё не возвращались. К этому времени хозяйка и Сэмюэль, тот самый старый темнокожий привратник, разбудили всех рабов, допрашивая, кто и что видел, слышал. Но правду знала только я и всё же упорно молчала.

Грейс сидела на кованой белой скамье у крыльца и плакала, закрыв лицо руками. Интересно, ей было страшно за дочь или боязно потерять лицо в высшем свете?

Что мы с Кэролайн наделали.

Когда темнота мало-помалу начала сдаваться перед светом, приближаясь к утру, на горизонте появились две скачущие фигуры. Мать Кэролайн тряслась всем телом: то ли озыбла, то ли от крайней степени беспокойства. Но увидев наездников, оживилась и соскочила со своего места.

Томас и Кэролайн, судя по их ошарашенным взглядам, желали испариться, но беспомощно молча смотрели себе под ноги.

Первым заговорил Томас с подчеркнутой вежливостью, как мне казалось:

– Миссис Хьюз, приношу свои глубочайшие извинения за причиненное беспокойство. Думаю, мне лучше немедленно покинуть вас и оставить наедине. До свидания, дамы.

Грейс смерила его презрительным и холодным, словно льды Аляски, взглядом без единого слова. Трус бежал, не дожидаясь извержения вулкана отцовского гнева. Ох, дело пахнет дуэлью.

Видимо, мать посчитала недостойным отчитывать дочь в присутствии столпившихся вокруг рабов, которые прочесали всю плантацию вдоль и поперек, а через час с небольшим уже должны были приступить к своей черной работе.

– Нелли, возвращайся к себе. Пусть Чарльз и Харрис сами решают, что с тобой делать, – устало произнесла госпожа. Её руки по-прежнему тряслись.

Кэролайн в эту минуту стояла с багровыми щеками и сжатыми опущенными кулачками. Она ненавидела меня каждой клеточкой своего хрупкого и самолюбивого тела. Я была уверена, её месть вскоре достигнет меня, всадив смертоносное лезвие в спину. Она ведь подумала, что я намеренно её подставила по причине дерзости и заносчивости.

Невольным жителям хижин было уже не до сна. Я догнала Роуз по дороге в нашу лачугу. Во дворе испугалась жуткого зрелища – мужчина, опустив голову в ведро с водой, издавал странные звуки, пуская бурлящие пузыри по поверхности.

– Что происходит? Что он делает? Свихнулся? – я шла, всё время оглядываясь на этого «водолаза».

– Нелли, он молится по утрам.

– Что за ритуал страшный?

– Если Харрис услышит слова прошения Джейкоба к Богу, он высечет его.

– Вам запрещают молиться?

– Он кричит и плачет перед Своим Богом, верит и просит вывести нас из рабства, как когда-то Он вывел евреев из-под Египетского гнета. Вода заглушает громкие звуки и делает слова неразборчивыми.

– Откуда он знает эту историю? Вам ведь запрещено читать.

– Не «Вам», а «нам». Ты тоже одна из нас. В седьмой день, день покоя Господня, хозяева позволяют нам отдыхать, – на лице Роуз промелькнула улыбка, будто она вспомнила что-то приятное. – Получив пропуск, мы можем пойти на богослужение в городскую церковь. Для рабов есть специальное место, отдельное от белых господ, где можно слушать слово Господне. Нас учат не воровать, быть послушными хозяевам, с терпением сносить испытания. Нет нам награды, когда мы служим добрым господам. Так каждый сумеет. Но венец ждет тех, кто покоряется и творит добро даже тем, кто зол и жесток. Но историю освобождения мы услышали от странствующего проповедника. Он гостил в прошлом году на соседней плантации, хозяин которой свободный чернокожий мужчина. Такой светлый человек. Неженатый. Наши девушки мигом размечтались, конечно же.

– А чтобы пойти на соседнюю плантацию, тоже нужен этот самый пропуск?

– За пределами имения «Колыбель магнолий» любой белый потребует у тебя пропуск. Поимка беглых рабов – прибыльное дело, за которое хозяева платят вознаграждение. Все не против поживиться легкими деньгами.

Это настоящая западня, из которой единственный выход – путешествие на кладбище. А, может, и вовсе негров закапывают на заднем дворе, как останки коров и свиней.

Войдя в хижину, я увидела рослую и крепкую женщину, которая сидела в углу на земляном полу и что-то негромко бормотала, уставившись в пустоту. В очаге рыжие лапы огня жадно хватались за поленья.

– Роуз, с кем она говорит? Тоже читает молитву? – тихо и с опаской произнесла, боясь спугнуть нашу соседку.

– О, нет-нет. Это Мелоди. Она разговаривает со своими детьми.

Батюшки, что за сумасшедший дом. Какими детьми? Я их не вижу?

– Ты видишь её детей?

Вдруг и Роуз тоже не дружит с головой? Может быть, это коллективное помешательство.

– Пять лет назад, когда Мелоди рубила деревья на лесопилке, её детей у нашего хозяина за хорошую плату одолжил господин из соседнего штата на другом берегу реки Миссисипи. Он на какой-то сложной штуковине получает из кипящего сока тростника сахар. Своих рабов в тот год ему не хватало. Дети стояли вдоль двигающейся дорожки, на которую укладывали свежесрубленное стебли этого растения. Малютки были смыслёнными и расторопными, и тот масса в итоге выкупил их у нашего хозяина. Мелоди ему не продали. Она билась, как животное, наполовину застрявшее в пасти аллигатора. Умоляла не продавать детей или отпустить её с ними. Но лесоруб она отменный, а хозяин в тот год задумал расширить амбар, перестроить конюшню. Так она и не оправилась с тех пор, но работает хорошо.

Роуз начала хлопотать у огня. А я погрузилась в ещё большее отчаяние под грустную тихую песню мужчины, доносившуюся из соседней хижины, точно такой же, как и наша – без единого оконца и проблеска света снаружи:

Beams of heaven, as I go,
Through this wilderness below
Guide my feet in peaceful ways
Turn my midnights into days.

– Джозеф запел, значит, опять скучает по жене.

– Она умерла?

– Нет, Мэри – рабыня на другой плантации в Натчезе. Они в прошлое Рождество поженились. Хотя как у нас женятся... просто говорят всем, что они стали семьей. Ежели господа добрые, то иногда и праздник позволяют с песнями, танцами и гостями-рабами с соседних плантации. В старые времена, бывало, напечем пирогов и накроем столы в саду на свадьбу. Кто-нибудь на скрипке сыграет или на барабанах. Мы плясали, позабыв хотя бы на время о побоях и нищете. Но видеться мужьям с жёнами можно только в день Господень, если оба хозяина позволят.

– И что же хозяева? Запретили Джозефу?

– О, нет. Им такое только на руку. Бесплатное разведение рабов. Особенно когда ввоз рабов из Африки запретили. Только вот детский плач иные хозяйки не терпят. Грудничка Зои, рабыни у Уильямсов, госпожа забила на смерть.

Я подумала, что госпожа, о которой говорила Роуз, – мать Томаса. Ну и семейка.

– У неё болела голова в тот день, а малыш всё никак не унимался, плач доносился до открытых окон миссуз. Она выскочила и била дитя, пока тот не перестал плакать. Но вместе с этим он и дышать прекратил, ангелочек Господень.

Да как же можно любить только себя, жить своей жизнью, используя других людей? Брать всё без остатка, почти ничего не давая взамен. Лишь для своих удобств, комфорта и роскошной жизни. Ведь стоит им распустить рабов и придется пахать самим, чтобы обеспечить себя.

Может быть, и со мной произошло что-то ужасное, раз голова решила всё стереть из памяти набело.

– Нелли, а ну выходи, распоясавшаяся брехунья, – хлыст щёлкал в ушах, эхом отзываясь в незаживающих со вчерашнего дня ранах, и хотелось забиться в угол, закопаться, но не найти мне было убежища. Рыцарь на белом коне не объявится внезапно спасти толстую рабыню. – Говорил я вчера утром хозяину, что ты свихнулась, и пора тебе в петлю или продать, покамест можно ещё за деньги тебя спихнуть.

Глава 7

– Так она сама упала? Или Вы ей помогли? – старший лейтенант Комаров постукивал шариковой ручкой по ладони, допрашивая потенциального подозреваемого.

– Что за возмутительные предположения Вы делаете? Я же сам вызвал скорую. Зачем, по-Вашему, мне в таком случае было ставить себя под подозрение? – ответил коротко стриженный брюнет, обросший щетиной. Брился он теперь нечасто, надевал первые попавшиеся вещи, лишь бы чистые. Низкий стул, на котором сидел мужчина перед работником правоохранительных органов, в сочетании с тоном зеленого дознавателя вызывали в нём презрение высшей степени.

– Этот ход как раз используют для отвода глаз или по причине непреднамеренного убийства на бытовой почве.

– Мне уже стоит искать адвоката, господин дознаватель?

1860 год

– Эй, ты, Джозеф, а ну вытащи эту дрянь из хижины.

Мужчина, который ещё несколько минут назад пел песню, стоит передо мной с грустными глазами и говорит:

– Прости, Нелли, – тянет за руку и выводит во двор.

– Привяжи её спиной к столбу, – Харрис, зажав в зубах самокрутку, подает веревку. От табачного дыма, неотъемлемой части нашего надзирателя, его засаленные волосы с вкраплениями седины отливали неприятным жёлтым цветом.

Джозеф послушно взял грубую веревку и потащил меня к столбу. Я начала вырываться, но он тихо произнёс:

– Нелли, не надо. Хуже будет. Терпи, – и крепче схватил за обе руки сзади, подталкивая меня вперёд к месту пытки.

Парнишка был невероятно силён, несмотря на кажущуюся худобу.

Ужас высекал искры перед глазами, ведь я не имела ни малейшего представления о планах возмездия Харриса. От страха тошнило, а по лицу струились дорожки липкого пота.

Харрис держал над костром во дворе за рукоятку какую-то металлическую палку с наконечником и при этом смотрел на меня в упор, чуть склонив голову.

– Всё думаю, куда тебе метку поставить. На руку или по старинке на лоб?

Мои ноги и руки были привязаны к столбу за спиной. Никто из рабов и не подумал бы противиться ублюдку, а уж хозяевам и вовсе плевать, лишь бы до смерти не забили их собственность. Надсмотрщик, словно растягивая удовольствие, медленно направился в мою сторону, смакую свою самокрутку, попеременно выпуская дымок из ноздрей. Мерзкий бородач усмехался, умудряясь не выронить тлеющую табачную соску изо рта.

Тело всё напряглось и горело, сильнее вжимаясь в столб, словно тот мог меня поглотить и спрятать внутри.

В этот самый момент со спины я услышала приближающийся топот копыт и наполовину понятную мне брань:

– Merde,¹¹ – слово, которое моментально заставило Харриса растерять свою развязность и наконец потушить курево остроносим ботинком. – Будь ты проклят, *тряпочный кекс*¹².

---

¹¹ Merde – ругательство на французском языке, обозначающее фекалии. Натчез ранее был под властью французов, поэтому этот язык был распространен среди населения несмотря на то, что в 19 веке земли принадлежали американцам.

Ну и странные у них ругательства. Неужели мистер Хьюз решил вступить за меня? Но тут надзиратель повернул голову в сторону хозяйских построек поблизости от невольничьих хижин. И только сейчас я заметила слабый дым из окон одной из них. Харрис тотчас взобрался на лошадь.

– Сколько раз я предупреждал твою дымящую задницу! Конюшня горит. Живо тушить.

Два десятка рабов побежали к источнику пожара, так и оставив меня привязанной к столбу. Но лучше уж так, чем быть припечатанной раскалённым металлом.

В этот момент двери постройки распахнулись, и оттуда выбежал рыжий конь с черной гривой и горящим хвостом, а за ним и мальчишка-раб. Скакун помчался в сторону реки. Но тут же раздались тревожные крики: «Аллигатор!».

Светлокожий пацанёнок, отчего-то одетый в больно простую рубашку и штанишки, развязал мои затекшие руки и ноги. И я понеслась к остальным рабам.

Хозяин поспешил на помощь жеребцу, другие копали червонную землю и наполняли емкости, третьи таскали ведра и засыпали огонь землей. Благодаря большому количеству шустрых рабов, пламя не успело быстро распространиться. Харрис прокричал: «Бросаю *гранату*¹³». И с размаху запустил в огонь какой-то изящный бутыль, с виду напоминающий дамский парфюм большого объема. Не знаю, как такое возможно, чтобы граната потушила пожар, но средство действительно сработало. Для верности группа мужчин засыпала сверху ещё несколько ведер рыжей земли.

Теперь внимание переключилось на мечущегося в агонии и ревущего рыжего страдальца, с крупа которого свисал и болтался кусок шкуры, оголяя кровавую плоть животного до самых голеней. Аллигатор, видимо, крепко прикусил его, но жеребец всё же сумел отбиться от хищника и выбраться из воды на берег. Обгорел только хвост, но до самого основания.

Хозяин, согнувшись пополам и схватившись за голову, причитал:

– Бедный Персик! Кэролайн не переживет, – потом он резко обернулся в сторону Харриса, который по виду наложил от страха в штаны, и, стиснув зубы, прошипел в жутком гневе. – Катись ко всем чертям, Харрис. Сегодня же. О расчете и не мечтай, ты ещё должен мне за причиненный ущерб, дымоход чертов. Ещё чуть-чуть, и хлопок бы начал гореть на поле.

Затем мистер Хьюз всадил пулю из револьвера в Персика и поскакал в сторону дома. Я поторопилась скрыться вслед за ним, пока Харрис не привел свою угрозу в действие, оставив мне прощальный «подарок».

Я боялась Харриса, пряталась от Грейс и стыдилась встречи с Кэролайн, затаившись на кухне вместе с Роуз.

– Нелли, тебе придется выползти из этого укрытия, если хочешь остаться живой. Ты разгневаешь госпожу ещё сильнее.

Роуз положила на тарелку желтые кексики, щедро сдобрив их сверху растопленным маслом. Рядом пристроила тарелку с кусками окорока. Отломилла свежую ароматную булочку от её соседок, которых только вынула из печи. Я готова была захлебнуться от вкусного зрелища, но вместо этого вождь кухни почти силой выпнула меня с подносом в сторону господских спален.

Кэролайн ревела, уткнувшись в подушку, и велела мне выметаться вместе с осточертевшей едой. Видать, отец уже передал ей известия про Персика и пожар.

– Ну право же, мисс, поешьте. Хлопнетесь в обморок, а сечь будут меня.

– Моего Персика не стало. Ничего ты не соображаешь. Не до еды мне, – не унималась бедняжка.

Животину ей жалко, а если бы пристрелили меня, она бы только обрадовалась небось.

---

¹² Ragamuffin – это не тряпичный кекс, как это буквально поняла Нелли. Старое английское слово обозначает оборванца и является ругательством.

¹³ Гранатами в XIX веке назывались стеклянные бутылки с соевым раствором, прототипы огнетушителей. Их бросали в огонь. Разбиваясь, они тушили пожар. Но нередко такой способ был малоэффективным.

– Вдруг мистер Уильямс младший сегодня к нам заглянет, а Вы раздетая, в чепце и нечесаная тут чахнете. Так он развернется и уедет, раз Вам нездоровится, – мой голод на протяжении целых суток давал о себе знать, перебивая слова умоляющим протяжным урчанием.

Отщипнула кусочек от кексика. Не думаю, что Кэролайн заметит, что их было два, а не один. И ощутив вкус сладко-соленого облачка со сливочной кислинкой на языке, прикрыла глаза от удовольствия. Как от такого можно отказаться?

– М-м-м, а кексы сегодня у Роуз удались на славу, – решила дожевать «негодную», по мнению своей хозяйки, пищу.

– А ну не трогай, негодяйка!

– Так всё равно выбрасывать свиньям.

Тут красноносая Кэролайн подскочила и схватила второй кексик, демонстративно откусывая его передо мной и продолжая шмыгать. Резко развернулась, взмахнув волосами, и уселась напротив подноса.

Январь 2014 года

Михаил

– Что было дальше, Михаил? – Татьяна пыталась расслабить затёкшие плечи и шею. Почему-то, как бы она не села, было неудобно: то ли слишком старалась не сутулиться, то ли постоянное напряжение Миши ей передалось. Он не елозил на стуле, не дёргал себя за волосы и не вскакивал, как Анатолий, но в его строго контролируемых позах ощущалась дикая закрытость.

– Год спустя я возвращался на машине в будний день с родительской дачи. Тем летом я стал свободным человеком с дипломом архитектора в тумбочке.

Дороги почти опустели. Свет фар выхватил из темноты хрупкую фигурку на остановке. Кому в голову придет ждать трамвай в двенадцатом часу ночи? Пригляделся. Опять она! Да что же это такое. Образ этой брюнетки вечно будет меня преследовать? И где её малолитражка? Проехал было, но тут же дал по тормозам и вышел из машины. Блин, на панели горит красная лампочка. Бензина в обрез. Вдруг не хватит до дома.

«Где твоя букашка? Кстати, я так и не знаю твоего имени, врушка», – шутливо сказал ей. Был уверен, что девчонка вспомнила меня. Но она лишь шугнулась, попятившись назад: «Молодой человек, что Вам нужно? Ещё один шаг – и я буду кричать». Затем начала рыться в сумочке. Не удивился бы, если она брызнула бы в глаза мне каким-нибудь дезодорантом или воткнула шариковую ручку в ухо. За ней бы уж точно не заржавело. Вообще-то я бросился её спасать и подвезти до дома, но, похоже, спасать пришлось бы меня при любом неосторожном слове.

«Воу-воу, не надо меня убивать, – продолжая говорить шутливым тоном, выставил вперед открытые ладони. – Ты меня не помнишь, видимо, потому юмор и не поняла. Год назад помог заменить колесо на твоей крошке. Ты, кстати, мне задолжаешь свидание. Но, честно, я за тобой не следил. Проезжал мимо и заметил».

Она перестала копошиться в сумке, уперев руки в бока и смерив меня недоверчивым взглядом, потом подняла глаза, будто рассматривая что-то невидимое справа.

«Давай подвезу до дома. Твой трамвай уже не приедет, – вижу, что засомневалась. – Брось. Разве я похож на маньяка?» Натянула ремешок от сумки на плечо в решительности. Понял, что другого ответа её величество не соблаговолит дать, поэтому пошёл в сторону машины, слыша цоканье каблучков позади себя. Лишь в салоне почувствовал алкогольное дуновение от этой достопочтенной леди.

– Что отмечали? – мельком глянул на неё, хмыкнув, испытывая удовольствие от повода подколоть.

Она даже не повернулась лицом ко мне, только искоса глянула одними глазами из-под чёрных ресниц.

– Сессию закрыли. Всё, что было в кошельке потратила, копейки только остались, – буркнула, устраиваясь поудобнее на переднем сиденье.

– Потому твоя Панда¹⁴ осталась дома?

– Нет больше моего Fiat'a. Какой-то ненормальный въехал в зад так, что машина врезалась в столб и не подлежит восстановлению. Хорошо, что я в тот момент была не за рулем, а на занятиях. Опоздала, приехала ко второй паре, и, как всегда, на парковке возле университета не осталось мест. Пришлось бросить на дороге у обочины. Вторую такую отец уже не подарит. Теперь я в рядах защитников чистого воздуха трясусь в трамваях.

– Сочувствую. Так, штурман, командуй, куда едем?

Она назвала адрес, а я пришёл в полное замешательство. Брюнетка все эти годы жила в соседнем дворе, но мы ни разу там не пересекались. Причем я даже знал пацанов из её подъезда.

– О, этажом выше тебя живет Сашка Доронин, да?

Тишина.

Повернул голову. Спит. Хорошо же она наклюкалась, видимо.

Возле самого подъезда долго не решался, что делать-то с ней. Разглядывал. До чего же чудная.

Разбудить? Донести на руках? Покататься, пока выпится? Последний вариант точно не годится – ни бензина, ни денег в кармане.

Подхватил на руки, но спящая красавица тут же проснулась, даже поцеловать не успел, как в той сказке.

– Э-э-эй, что ты себе позволяешь? Ну-ка, руки убрал, – начала приглаживать черные кудри на затылке и расправлять складки на измятом платье цвета хаки с кучей мелких пуговиц от груди до пояса, обтянутых тканью.

Потащился за ней, чтобы не нагнулась по темникам, легонько придерживая то за локоток, то за спину. Она ещё возмущалась. Вообще-то я раньше не робел при девчонках. Но эта была каким-то неопознанным объектом без инструкции по обращению.

Довел до двери. Пыталась попасть в замочную скважину, умудряясь при этом стоять с высоко поднятой головой. Может, у неё шею продуло? Аж смешно стало. Ключ исцарапал уже всё вокруг замочной скважины, так и не попав в цель. Но важная пьянчужка не сдавалась.

Я ухмыльнулся и взял ключи из её рук, с легкостью проворачивая в отверстии.

Но не тут-то было. Дверь изнутри была заперта. Пришлось постучать.

Вспыхнул оранжевый огонек глазка. Подставил под стеклышко захмелевшую принцессу. Звон цепочки. Скрип двери.

Вроде я и не виновен ни в чем, а сердце грохотало от страха, будто в детстве, когда напроказничал и ждешь взбучки от матери. На пороге стояла пухленькая, но приятная, невысокая женщина с короткими кудрявыми волосами, запахнув полы махрового халата. В нос ударил запах табачного дыма. Так пахнет в домах, где годами курят какой-нибудь «Беломорканал» прямо на кухне или в туалете.

– Доброй ночи! Прошу прощения за столь позднее беспокойство. Просто хотел убедиться, что Ваша дочь доберется в безопасности.

– Доброй, доброй. Ну это же никуда не годится. Вы на часы смотрели? Как Вас?

– Михаил, – уши горели, а пьяной красотке ни холодно ни жарко – снимала каблук.

– Михаил, как это называется?

---

¹⁴ Имеется ввиду малолитражка Fiat Panda.

– На самом деле я даже не знаю, как зовут Вашу дочь, хотя мы и учились вместе в школе раньше. Я, кстати, живу в соседнем дворе. Увидел её на остановке посреди ночи и решил подвезти. Видимо, не зря. Что ж, пожалуй, побегу. Простите.

Женщина слегка шлепнула по попе дочь, пока та воевала с ремешком сумки, снимая через голову. Видно было, что женщина совершенно не умеет сердиться по-настоящему.

Я уже развернулся, чтобы уйти.

– Пстой, Миша.

О, у кого-то, оказывается, есть язык.

– Спасибо... Три семерки, – слова давались ей с трудом, – две тройки... двенадцать.

Что за тайный шифр сообщила моя пассажирка?

– Билайн, – извиняющаяся улыбка сонной женщины в уютном халате моментально подавила покой. – Спокойной ночи, Михаил. И простите, что накинулась на Вас.

Дверь закрылась, но я успел услышать голос её матери: «Хороший мальчик. Люблю высоких».

1860 год

– Был у Уильямсов сегодня. Томас поспешно уехал в Вашингтон к дяде, – подслушала я, подавая второе блюдо за ужином. Обедали они вне дома, а юная мисс просидела в комнате в пеньюаре до самого вечера.

Кэролайн резко втянула воздух и уронила вилку от такой новости. Но родители предпочли оставить без внимания неуклюжесть дочери. Она-то рассчитывала на предложение руки и сердца, а немолодой лже-Ромео смылся, оставив девушку наедине со своим позором.

– Чарльз, кажется, вчерашние ночные похождения не остались втайне. Я была *flumtomed*¹⁵ сегодня, когда в гостиной миссис Скотт мне предложили самый скромный стул дальше всех от хозяйки в то время, как остальные дамы, которые съехались обсуждать благотворительный бал, были молоденькими замужними девчонками, но при этом сидели в мягких креслах.

Я, как соучастница преступления, поспешила смыться в кухню и не высовываться до окончания ужина, склонив Роуз прикрыть меня.

---

¹⁵ Старинное английское слово, обозначающее «быть в замешательстве».

Глава 8

Артём простоял в коридоре отделения полиции восемь часов, ни разу не присев. Как только его пригласили в кабинет, мужчина закрыл книгу и уверенно направился к столу, где в ящиках копошился старший лейтенант Комаров.

Артём развернул низкий стул под углом в сорок пять градусов, чтобы не сидеть, как провинившийся подросток в кабинете директора школы. И подарил ногам долгожданный отдых, не дожидаясь приглашения сотрудника полиции. Актеру театра не привыкать часами стоять, но сегодня он побил собственный рекорд.

Артём расстегнул пуговицы на элегантном пиджаке и вытянул руки на подлокотниках. Внутри он досадовал на то, что допрос ведет не женщина, что существенно упростило бы разговор. Слабый пол, как известно, бессилён перед звездами театра и кино. Наконец, Комаров нашел какую-то бумажку и привстал, чтобы обменяться рукопожатием, по-прежнему всматриваясь в находку, а не в глаза своего посетителя. В этот момент Артём подошел к столу старшего лейтенанта сбоку и, приветствуя его, опустил брови.

– Старший лейтенант, чем я заслужил повторной аудиенции в этом «комфортабельном» месте? – последние два слова были произнесены с насмешкой. – Мне казалось, мы исчерпали темы для разговоров в прошлый раз, – мужчина смотрел между глаз своего собеседника, что и продолжал делать в течение следующего часа.

– Выяснились некоторые детали, – пробурчал себе под нос старший лейтенант, поправляя сползшие очки. Наконец он оторвал хмурый взгляд от документа и посмотрел на Артёма. – Вы должны были лететь на гастроли сразу же после Нового года в Лондон. Были в списках на бронь ещё с начала декабря. Но потом произошла череда странных событий. Догадываетесь, о чем я?

– Пожалуйста, говорите, я послушаю, – великодушным тоном сказал Артём.

– Так вот, позднее в декабре бронь отменили и взамен включили другого человека. Некого Сергея Дворецкого. А в журнале «Афиша» появилась статья о Вашем отвратительном выступлении на премьере «Красного и черного», якобы Вы забыли слова во время спектакля. Я ничего не упустил?

Артём лишь снисходительно улыбнулся, даже не переменив свою позу и, по-прежнему не отводя глаз от переносицы Комарова.

– Но вот, что занимательно – после знакомого нам обоим происшествия в новогоднюю ночь, Ваша фамилия опять появилась в списках, и Вы вылетели в Лондон со всей остальной группой на гастроли. . . – здесь следователь сделал паузу, – с тем самым спектаклем, на котором вроде, по словам журналиста, публично опозорились всего пару недель назад.

– Старший лейтенант, Вы решили стать театральным критиком? Так я пятнадцать лет уже играю в театре, а пресса всякое может строчить. Это их хлеб. И как Ваша находка относится к трагедии молодой костюмерши?

– Не думаю, что это совпадение, – Комаров подался вперед и сложил пальцы домиком, уперев локти в стол. – В паре с Вами в спектакле госпожу де Реналь играет эффектная Елизавета Оболонская. Ох, и красивая женщина. А какая фигура точеная. Все эти совместные репетиции, наверное, так сблизжают. . . – следователь вновь многозначительно молчал. – Вас обоих ждал Лондон. Наверное, роскошные номера-люкс. Но вот же гадство, накануне выходит статья, поливающая грязью Ваш талант. А родственница потерпевшей работает журналистом в печатном СМИ. Хотя и не в журнале «Афиша». Но кто откажется оказать услугу коллеге по цеху?

«Чёрт, так значит, всё-таки не в «Афише»? Да эту статью мог написать кто угодно. И никакой связи тут не было», – выругался про себя Артём.

– Господин следователь, мне известно, что законодательством запрещено задавать на допросе наводящие вопросы, поэтому можно, пожалуйста, ближе к делу. Что конкретно Вы хотите спросить?

– Какая похвальная грамотность. Вот и вопрос. Вы состоите в сексуальных отношениях с Членом Совета Директоров Омега-банка? И да, мне известно, что госпожа Митрошина входит в попечительский совет театра, а её ежегодный взнос составляет двести пятьдесят тысяч евро, – Комаров смотрел в упор на актера. – Иначе такие «талантливые» актеры давно просили бы милостыню.

1860 год

Из спальни Кэролайн через распахнутую дверь доносился визгливый голосок:

– Пусть убирается, чтобы глаза мои её больше не видели. Ненавижу.

Я стояла неподвижно в холле первого этажа, вслушиваясь в разговор, который явно касался моего будущего.

– Ягнечок, кто будет одевать тебя, собирать волосы в причёску и купать по утрам?

– Да кто угодно, лишь бы не она. Чем Роуз плоха?

– Кэролайн, ты предлагаешь ничего не смыслящую в этом деле кухарку поменять местами с няней, которая вырастила тебя с пелёнок?

– Нелли выжила из ума. От неё пользы не больше, чем от обычного раба с поля. Я сейчас докажу. Не-е-елли! – закричала капризная пакостница.

Когда я вошла в комнату, Кэролайн со злостью бросала на кровать самые разные шляпки. Что она задумала?

– Какая из них «биби»? – с вызовом в голосе сказала девчонка.

Думать нужно было быстро. Мне устроили настоящий экзамен по женской моде девятнадцатого века.

Передо мной лежало пять разных головных уборов: уже известный мне черный боулер с длинным пером, похожий на мужской мини-котелок с вуалью, соломенная шляпа с широкими полями и пришитыми локонами, что-то нагроможденное кружевами, бантами и бусинами, дальше головной убор, больше подходящий престарелой бабушке для сна, и малюсенькая вещица, которая едва прикроет голову.

Биби, биби... Наверное, что-то мелкое. Ткнула пальцем в шляпку-малышку, молясь, чтобы моя ассоциация не подвела.

– Да она наугад показала. Ей повезло, – начала капризничать брюнетка.

– Кэролайн, хватит вести себя, как ребенок. Тебе уже шестнадцать лет. У меня полно дел, – Грейс развернулась и с достоинством покинула комнату.

Кэролайн выставила свой маленький пальчик, указывая на меня, и изо всех сил старалась придать лицу грозный вид:

– Я выведу тебя на чистую воду! И тогда ты отправишься на поле собирать хлопок.

– Может, я действительно подзабыла от старости кое-какие эти Ваши великосветские штучки, только вот Роуз сдаст господам сразу же любую шалость и Ваши любовные hanky-panky¹⁶. А я обещаю, что отныне буду хранить секреты. Идёт? – я размахивала перед ней белым флагом.

– Что ещё за словечки такие у тебя? Hanky-panky? Опять заговорила на своём непонятном черном языке? *Buvvuh, summah, def, dis*¹⁷, – Кэролайн начала кривляться, произнося при-

---

¹⁶ **Hanky-panky** – с английского «шуры-муры», неупотребительное, распутное поведение. Это сленговое слово, вероятнее всего, ещё не существовало в 19 веке и было незнакомо Кэролайн.

¹⁷ **Buvvuh, summah, def, dis** – искажённое произношение афроамериканцами слов brother, summer, death, this. Породило разговорный диалект «эбоникс». Он не ограничивается только произношением, но также подменой значений слов, наличием

творно низким голосом странные слова, которые, вероятно, прежняя я употребляла в речи. – А я уж было испугалась, что тебя подменили.

– Так что, мне звать Роуз к Вам?

– Рабы не будут мне диктовать условия. Поняла? Из-за твоей самодеятельности Томас уехал от меня.

Как же быстро её властный тон был способен меняться на плаксивый. Но девчонка настолько глупа, что не видела истинной причины, по которой Томас смылся. Он планировал только по-тихому развлечься с молоденькой особой, не связывая себя узами брака. Испугавшись того, что родители Кэролайн вынудят его, как джентльмена, жениться на ней за ночные гуляния, хитрец подался в бега.

– Уходи, Нелли, – когда я развернулась и уже почти закрыла за собой дверь, Кэролайн добавила. – Захвати персиковый пудинг с кухни и принеси.

То не ест совсем, то жует за троих. Только же вышла из-за стола.

– Мама сегодня не позволила добавку десерта. А мне ни к чему теперь бояться за фигуру, раз останусь одна до самой старости.

Январь 2014 года

Анатолий

– Вот и отлично, Анатолий. Кажется, мы нашли общий язык, – Татьяна, словно прирожденный заклинатель змей, спокойно смотрела в бледно-бирюзовые глаза, в которых шторм разбивал корабли о скалы. Напротив неё сидел человек с тяжёлым характером. Сложный случай. – Раз Вы помните такие подробности, расскажите про первые детские страхи и боль?

– У неё была собака. Джим. Подобрала с улицы. Всегда тащила кого-то в дом, но родители обычно не пускали этих найденышей за порог. Джимка почему-то стал исключением. Помесь болонки с дворнягой. Такой белый и кудрявый чудик, который любил хватать зубами гостей за ногу, причем не издав не единого предупредительного «гав». Говорят, что у Екатерины Великой была болонка для забавы, а сейчас таких в сумках всякие фифы в Америке носят.

Через год найденыш потерялся. Как она плакала. Не хотела несколько дней выходить со мной во двор играть. Чуть не сбежала в одиночку за город в поисках питомца. Бабушка поймала её уже на остановке. Хорошо, что автобус в ту сторону ходил только раз в час.

До этого летние выходные пес провел на даче со своей маленькой хозяйкой. Кто-то из новых соседей праздновал что-то – вечером начали запускать салют. Джим умчался прочь. Видимо, где-то в сетке рабица между дачными участками нашел отверстие. Потом всю ночь и следующее утро был ливень с грозой. Белый малыш так и не вернулся. Бывалый собаковод позже мне объяснял, что в такую погоду запахи сильно слабеют, а гром страшит животных, снижая способности к навигации.

1860 год

Переодевая Кэролайн иногда по пять раз в день (да-да, утреннее, обеденное платье, платье для прогулок, амазонка для верховой езды, платье для приемов), порой в памяти возникали и тут же пропадали какие-то мутные сцены джентльменов во фраках и леди в ярких нарядах, схожих с одеждой моей молодой госпожи. Но отрывки были такими мимолетными и выхваченными из общей картины, что я не понимала, что именно вспомнила. Иногда интуиция подсказывала порядок действий для снаряжения Кэролайн в какой-то незнакомый мне наряд, а в другой раз мне помогал женский журнал «Godey's Lady's Book», который я тайком листала

в комнате госпожи во время её выездов на светские приемы. Каждый выпуск был с картинками, советами по выбору модных фасонов одежды, домоводству, правилам настоящих леди и с небольшими рассказами.

Хотя я стала более уверенной в собственных способностях, мысли о побеге не погрела. Решила повременить, выжидая подходящего момента и собирая полезные сведения.

Хозяин назначил надсмотрщиком Джозефа, одного из рабов несмотря на то, что на плантации несколько раз появлялись белые странствующие мужчины в поисках работы. Мистер Хьюз боялся, что они окажутся аболиционистами, борцами за освобождение рабов, и организуют наш побег. Такое движение стало популярным в стране. Рабов через специальную подпольную сеть под названием «подземная железная дорога» переправляли в Канаду на свободу.

Джозефу не нужно было платить в отличие от наемного работника. Молодой мужчина недавно стал отцом, но жена и сын по-прежнему работали на другой плантации. За рабов Джозеф отвечал собственной жизнью, поэтому его товарищам нелегко было бы предать брата по несчастью и решиться на побег. Хозяину прекрасно были известны все эти преимущества.

Но я не была готова оставаться в неволе из-за жалости к другим. Главной задачей, которую я обдумывала несколько месяцев, было провести собак-ищеек. Думаю, что псы находят беглецов и чужаков по запаху следов на земле. А значит, надо было сбить свой запах и пахнуть, как один из членов семейства Хьюз.

Я рассчитала, что осуществлю план в один из дней Господних (как здесь называют седьмой день недели), когда рабы вольны отдыхать. Нам с Роуз это послабление полагалось не в полном объеме, ведь есть и одеваться господа самостоятельно не умеют. Остальные рабы разбредаются с полученными пропусками по соседним невольничьим мини-селениям к супругам и друзьям, а хозяйева на церковных служениях и барбекю.

Мне останется лишь сложить в мешок для сбора хлопка две пары сапог Кэролайн, её ночную сорочку (это единственное, что налезет на меня), панталоны и духи. Всю одежду придётся взять из кучи грязного белья. Противно, но зато хозяйский запах введёт в заблуждение ищеек. Помню свой первый прачечный понедельник в этом имении. Меня вырвало от смрада, поднимающегося над кипящим чаном с бельём. Всю эту грязную одежду нужно было крутить специальной деревянной мешалкой. А ещё ведь вначале нужно было от всех пятен вручную избавиться, понять, от чего они. От кофе выводить желтком, разбавленным водой, от вина – солью, от травы – спиртом.

Так что я бы сделала с грязной сорочкой молодой госпожи? Незаметно пробралась бы к реке. Вымылась мылом, надушилась, оделась в одежду Кэролайн. А свои вещи закинула бы в сторону у берега реки. Собаки побегут на запах. Хозяин подумает, что я утопилась, и меня сожрали аллигаторы. Главное, чтобы они не съели меня, пока буду намываться.

Собак выпускали только к вечеру, а днем в выходной день никто и не заметил пропажу. За это время я бы оторвалась и была далеко от имения. Но для верности ещё разок собиралась сменить сапоги по дороге, чтобы запутать ищеек.

Решиться на предательство неповинного человека слишком тяжело. Чтобы другим не повядно было, Джозефа скорее повесили бы на глазах всех остальных, если он не нашёл бы меня. Я колебалась каждый выходной, представляла эту жуткую картину, слёзы его молодой жены. Вела бесконечные торги с совестью. Пока не произошло кое-что, перевесившее всё.

Глава 9

2012 год

Артём был в скверном настроении в этот вечер. Глаза, полные скепсиса, обрамляли оливковые синяки после ночи, проведенной за игрой в покер. Днём поспать не удалось. Но грим и не такое скрывал.

В гримерку, цокая каблуками, вошла новенькая девушка в длинном до пят светлом платье, приталенном с помощью какого-то широкого пояса со шнуровкой сзади, и с отложным воротничком. Черные волосы собраны на затылке голубой атласной лентой. Артём знал, что она из женского костюмерного цеха. «Что здесь забыла? Потерялась что ли, клуша», – с раздражением подумал мужчина.

Девушка принялась помогать его коллегам. Недотёпа. Понятия не имеет, кто здесь главный, и кому первому честь отдавать.

Актрисы уже привыкли не принимать близко к сердцу выпады и черный юмор актера – циничным он был только, когда не в духе. Сегодня был один из таких дней. В другое же время мужчина умел очаровать галантностью, юмором и интересной беседой.

Артём устал наблюдать через зеркало за её пофигизмом по отношению к нему, развернулся на стуле, взял в руки персик, покрутил, покатавал в ладонях, будто взвешивая, а потом всё же не сдержал прорыв своей сточной трубы:

– И кто эта новенькая шалунья? Испытываешь экстаз, раздевая мужчин? Потому перевелась к нам?

Девушка не растерялась, не поворачиваясь к обидчику и продолжая возиться с шейным платком другого актера, ответила:

– Могу ведь и иголку нечаянно в Ваших штанах оставить.

Тут мужчины в гримерке рассмеялись. Но Артём решил, что слишком много чести для первого дня работы здесь этой девчонки, надо бы и место своё знать простушке. Он оценил, что одета она была с особым дворянским шармом, хотя и не к месту. По-настоящему умная и амбициозная девушка сидела бы в офисе, а не в мужской гримерке за двадцать тысяч рублей в месяц поздними вечерами, занятыми суетливой и нервной работой.

– Да ладно, не стыдно скрывать свои страсти. В театральное закулисье в прошлых веках всегда манило самых чувственных и ненасытных женщин, а слово актриса было почти синонимом другой более интимной древнейшей профессии. В сексуальных фантазиях нет ничего плохого, дорогуша. Дай угадаю, почему ты оказалась здесь. Причина стара, как мир, – Артём начал загибать пальцы, – а) ты ищешь шанс сбежать из дома; б) в театре светит перспектива поступить в содержанки к богатому спонсору или стать любовницей режиссёра. Это двигало женщинами раньше, это влечет их сюда и сейчас.

Артём понимал, что слегка перегнул палку и переигрывает, а для актера это нехорошо, но уже понесло.

Девушка твердо решила, что сегодня штаны Артёма не должны выдержать ожирения его самомнения и непременно треснут перед выходом на сцену. А она этому чуточку посодействует.

Себя она уважала вне зависимости от выполняемой работы, поэтому и здесь нашлась, что ответить хаму:

– Увидев растрепанный седой пучок бабы Маши и кислотные китайские шлепки тети Ани, обутые на шерстяные полосатые носки, не могла отделаться от неприличных картинок их бурной сексуальной жизни в этой гримерке. Ты меня раскусил. Именно поэтому я и согла-

силась на эту работу. Только ты не в моем вкусе – не люблю патлатых и с накрашенными глазами. Сильно на девочек смахивают. Или ты женские роли играешь? Я ещё не запомнила всех. Новенькая же, – и, изображая невинность, пожала плечами.

Опять хохот. Обычно женщины ему не дерзят.

– Что ж, пошутили и хватит. Я здесь уже тринадцать лет, а вот ты и месяца не работаешь. И не будешь работать, если продолжишь в том же духе. Феминисткам и амазонкам в театре не место. Да будет тебе известно, что театр – исконно мужская территория, маленькая мисс.

О, это ей было прекрасно известно. Она помнила, как поступала в театральное. Её даже не дослушали. Спросили вес, рост, сопроводили комментарием, что, мол, маловата и грудь плоская. В списках к зачислению мальчиков оказалось ровно вдвое больше, чем девочек. Она не прошла, потому и поступила на филфак. Потом работала несколько лет учителем в старших классах. Но здесь, в театре, к ней относились так, будто она и школу не окончила.

1860 год

Я пригладила щеткой длинные, угольные волосы Кэролайн, и она надела на них сеточку для сна. Как же девушка всё-таки плохо разбирается в мужчинах.

Сегодня на ужин в господском доме остался один заезжий проповедник, мистер Вудмэн. С утра он с разрешения мистера Хьюза провел службу для нас, невольников, и сразу же мне понравился. Какой мужчина. Высокий, широкоплечий, с бронзовым загаром и большими сильными руками, которые не брезгуют трудом. Не то, что эти изнеженные джентльмены, которые ничего тяжелее книги не держали.

Прежде чем читать проповедь, он рассказал, что вырос в семье фермеров, где было девять детей. И знаком с полевыми работами с малолетства. В двадцать девять лет после учебы стал рукоположенным священником. Владеет фермой в Кентукки. А его брат возглавляет в Огайо колледж, в котором принимают в студенты даже женщин и чернокожих свободных людей.

Я сроду не ходила в выходные на церковные служения, но этот человек меня заинтересовал. Он сел на небольшую лавку на улице прямо среди наших хижин. А мы пристроились вокруг кто на чём: на перевёрнутых ведрах, ящиках, толстых поленьях или прямо на пороге. Майкл сказал, что Бог не считает нас хуже белых людей. У Моисея, оказывается, женой была чернокожая женщина из Эфиопии. А во времена Христа Спасителя его ученики отговаривали людей продаваться в уплату долгов, говоря: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков». Не думаю, что такая проповедь понравилась бы мистеру Хьюзу, поэтому хорошо, что он её не слышал. У Майкла на ферме нет рабов, только слуги, которые работают за вознаграждение и живут в доме поблизости с его особняком. Хозяин сам вместе с рабочими выходит трудиться на поле. Как бы я хотела служить у мистера Вудмена.

И тут в голове моей созрел план. Наш гость – вдовец, но всё ещё привлекательный, с красивыми большими глазами цвета крепкого чая, мужественным подбородком и густыми черными бровями. На вид не старше печально известного труса Томаса. А значит, есть шанс выдать молодую мисс за этого мужчину и вместе с ней переехать в Кентукки. Я пошла на компромисс со своей гордостью и была услужливой с Кэролайн до ужина, пытаюсь лаской склонить её прислушаться ко мне и принарядиться к вечеру.

Уговорила девчонку даже ванну принять. Ох, и упиралась же она. В июньском номере её «Godey's Lady's book», видите ли, было написано, что частое купание вредит коже, а принимать ванну в конце дня опасно для здоровья. Якобы мыться нужно только по утрам. Когда я набрала для Кэролайн горячую воду, девчонка завопила, что я желаю ей заболеть истерией. Скажите мне, пожалуйста, как связано психическое расстройство с температурой воды? Но именно так говорит их семейный врач.

Ещё летом по последней моде мы заказали у портного платье в стиле «Аделаида». Поверх криолина и кучи нижних юбок каскадом спадали девять оборок платья, пояс завязывался высоко на талии аккуратным бантом. Сверху платье закрывало грудь и шею целомудренным воротничком, а рукава-колокольчики кокетливо украшали рюши из кружева. Расцветка, как нельзя лучше, подходила для будущей невесты священника – мелкие акварельно-голубые выбитые цветочки и мятные листочки на нежно-молочном фоне легкой ткани.

Волосы я уложила своей госпоже на прямой пробор, заколола сзади и украсила цветами белой суданской розы из хозяйского сада. Кэролайн была так хороша, так свежа, словно сошла с картинки, но всё жаловалась: «Ох, как же избавиться от этих румяных щёк. Сейчас в моде бледность и острые скулы. Говорят, что это олицетворяет возвышенную и глубокую натуру. А я пухлощёкая, будто доярка. Может, выпить уксуса?»

Прислуживая за ужином, заметила зародившуюся симпатию Майкла к мисс Хьюз. Он так задумчиво с улыбкой поглядывал на неё. Но девчонка, услышав о том, что мужчина фермер и сам не прочь повозиться с землей, сразу начала воротить нос и вела себя отвратительно. Зазнайка.

Мужчина, прощаясь, поблагодарил за ужин. Даже меня и Роуз. И с теплой улыбкой на лице удалился на соседнюю плантацию, где остановился погостить.

Позже за кофе в общей комнате Грейс услышала от мужа печальную историю вдовца. И я тоже, ведь ухаживала за господами.

Два года назад жена мистера Вудмена погибла при позорных обстоятельствах. Он всегда брал свою молодую хозяйку с собой в евангелизационные поездки. В тот год он поехал с проповедью в Новый Орлеан. А на Миссисипи, как известно, гастролируют плавучие театры, которые передвигаются летом на небольших речных пароходах. Труппы актеров дают спектакли, не сходя на берег. Зрелище это, по словам старика Хьюза, низкопробное: женщины передеваются в мужчин, а мужчины-комики выступают с похабными шутками, а могут и в дамском платье пародировать девушек из высшего общества.

Как жену священника могло привлечь подобное представление непонятно, но один из актеров ей приглянулся. И та стала приходить на берег каждый день. Постоянная симпатичная зрительница не осталась незамеченной. Проходимец соблазнил жену священника – их видели вместе, спускающимися во внутренние каюты парохода. Потом театр исчез ночью также внезапно, как и появился, а юная прелюбодейка покончила с собой.

Новый Орлеан – суцья вавилонская блудница. Мистер Хьюз просветил свою молодую жену, чем так опасен город для добрых нравов – повсюду притоны, в которые приезжают богатенькие господа поразвлечься с креолками и мексиканками. На что госпожа упрекнула мужа в том, что он и сам в этом году был там по «делам» и привез молодую светлокую рабыню, которая явно не занималась раньше сбором хлопка на плантации, иначе была бы гораздо чернее.

Пока я лелеяла свои надежды если уж не на свободу, то хотя бы на сносные условия жизни у нового хозяина, мистера Вудмена, утром Сэмюэль принес с почты письмо от тетушки Кэролайн из Саратоги. В нем сообщалось, что её сын, кузен моей молодой мисс, получил диплом юриста и теперь хочет связать свою жизнь с достойной девушкой. Тут тетушка вспомнила миловидность мисс Хьюз, а, кроме того, Кэролайн и Джеймс знакомы друг с другом почти с пеленок. Что ещё нужно для создания крепкой семьи? А по-моему, как можно спать в одной постели с братом, который когда-то сидел напротив тебя на горшке?

Имение «Колыбель магнолий» пришло в дикое движение в связи с матримониальными намерениями дипломированного кузена-юриста. В кладовую из города свозилось всё больше деликатесов, Роуз начищала столовое серебро, а Кэролайн листала свой любимый журнал в поисках модного подвенечного платья. Кажется, личность будущего спутника, с которым она проведет всю оставшуюся жизнь, волновала её не так сильно, как цвет ткани и свадебные дра-

гоценности. Она всё приговаривала: «Вот же Томас будет посыпать голову пеплом. А поздно, мистер Уильямс, поздно».

Мой план рухнул, как песочный замок. Но тогда я и подумать не могла, что за чудовище движется к нарядному белому дому. Да лучше бы уж Харрис вернулся, чем мне повстречаться с Джеймсом Кэтчером.

2014 год

Артём

Старший лейтенант Комаров наконец озвучил свою теорию, смакуя каждое звено логической цепочки, но так и не догадался о главном:

«Потерпевшая Вас шантажировала, зная о связи с актрисой Оболонской, и грозилась анонимно слить информацию Митрошиной, с которой у Вас тоже тайный роман. В таком случае Вы бы распрощались с театральной карьерой, а больше ничего делать в жизни не умеете. Чтобы продемонстрировать всю серьезность своих намерений, девушка привлекла родственницу-журналиста слегка пошатнуть землю под Вашими ногами. И, возможно, она бы привела в исполнение свой план, если бы с ней не случилось неожиданное несчастье. Только вот, что она хотела получить, если Вам в ответ на её решительные меры пришлось отменить поездку в Лондон?»

Глава 10

На роль Иванова из одноименной пьесы Чехова художественному руководителю главного театра города нужен был актер, по которому будут буквально умирать все бабы, как на сцене, так и в зале.

Тогда-то и нашелся Артём, хотя был довольно молодым для роли мужчины в глубоком кризисе среднего возраста. Среднего роста, поджарый, но без фанатичной горы бицепсов и квадрицепсов. Лицо у него было мужественно скуластое, рельефное. Большие, с хулиганскими искорками джинсово-синие глаза-хамелеоны компенсировали не слишком чувственные, но хорошо очерченные губы. Ряд ресниц был настолько плотным, что веки казались подведёнными темно-серым карандашом. Но самым лучшим в его лице были чёрные густые брови, которые он дьявольски сексуально хмурил, смотря исподлобья, или мастерски изгибал.

Нагловатая полуулыбка образовывала сбоку двойную морщинку у рта и выраженную впадину под скулой. Артему одинаково шли и гладко выбритое лицо, и трёхдневная борода с усами. Кожа светло-карамельного цвета выдавала в нем уроженца самого юга страны. Он запускал красивые длинные пальцы в чёрные, слегка волнистые волосы и теребил их, или оттягивал нижнюю губу, или зажимал фалангу между носом и ртом, когда крепко задумывался о чем-то.

В отличие от остальных, выпускник театрального еще не успел растерять своё мужское начало в лучах славы. Ведь многие звезды превращаются в сущих женщин – любят себя, кокетничают со сцены со зрительницами. Как говорил один писатель: «Россия сильна бабами». Причем и такими, которые ходят с усами, говорят басом и носят штаны.

Только вот беда – жить Артему в этом городе было не по карману, а с общежития попросили съехать буквально через неделю. Будущему неотразимому «Иванову» позволили перекантоваться в складских помещениях театра, что в принципе не допускалось.

Как же давно это было. Сейчас мужчина жил в квартире в центре города, окружал себя антикварными вещицами и питал слабость к дорогой обуви. Но спектакль пользовался таким успехом у дам, что его до сих пор не исключили из репертуара театра.

Тёплым вечером 2012 года Артём ощутил такой экстаз на сцене, хотя играл сексапильного героя-любownika Иванова столько раз, что уже и оскомину себе набил. Публика в зале аплодировала стоя, когда актер вышел поклониться в конце спектакля. Возможно, стычка перед первым актом с острой на язык костюмершей или адреналин от конфуза со штанами внесли свою лепту. А ведь ещё чуть-чуть и мог случиться полный провал. Всё из-за новенькой ехидны.

Перед самым выходом на сцену коллега Артёма заметил, что шов на брюках главного героя разошелся сзади на интересном месте. У девчонки было всего пару секунд справиться с аварией. Иголлка и нитки были в её переднике наготове для таких форс-мажорных случаев. Из-за дефицита времени зашивали не снимая. Но худшее случилось, когда в первом акте Артём должен был быстро сменить костюм, но обнаружил, что злодейка пришила брюки к трусам. Дорогое нижнее бельё спешило покинуть тело актера вслед за штанами. Баба Маша заметила растерянность театрального мачо и скомандовала: «Так, девочки, мальчики, все отворачиваемся. Тёмочка, переодевайся спокойно». Он, конечно, не из стеснительных, но здесь вопрос чести. Костюмерша должна была понести наказание, чтобы запомнилось раз и навсегда.

Но в тот вечер актер пребывал в состоянии такой эйфории, что на время позабыл о неприятном происшествии, и отправился в свою квартиру с исполнительницей роли молодой Сашеньки. С ней он ещё не спал, но хотел её давно. Художественный руководитель всегда поощрял в театре романы, чтобы на сцене ощущался неподдельный накал страстей, тогда пьеса оживает.

Разбор новых спектаклей всегда начинался режиссером именно с того, кто из героев кого хочет. Поэтому постель для актеров настолько привычная локация и в голове, и на сцене, и в жизни, что стала не более сокровенной, чем кухня. Вначале ты испытываешь недоверие к партнеру, потом постепенное сближение, влюбленность, а в какой-то момент отторжение. Иногда это происходит по кругу.

Но жениться Артём не планировал. Никогда. Нет, в его жизни не было слезоточивой драмы, несчастного детства или строгой матери. Просто влюбленные люди казалось актёру несчастными, а уж женатики и подавно. Он считал такие отношения пережитком неолита. В современном обществе человеку не нужна стая, чтобы выжить. Мужчина приравнивал секс к ужину с девушкой в ресторане. Если парень вкусно накормил понравившуюся даму, он же не обязан жениться на ней. А в чем собственно разница с постелью? Почему за доставленное сексуальное удовольствие непременно нужно идти под венец? Это такое же общение и развлечение. Причём добровольное и взаимное. А свободных и красивых девушек столько, что хватит на всю жизнь.

Тогда он ещё не подозревал, в какое затруднительное положение попадет, вынужденно вступив в конфликт со своей философией независимого мужчины.

1860 год

Вечера в Натчезе стали прохладными, поэтому в гостиной затопили камин. В комнате собралось всё семейство: Грейс вышивала, Кэролайн умирала от скуки, дёргая ножкой, а седой глава семейства был увлечён газетой, изредка зачитывая вслух интересные отрывки своей супруге, которой они таковыми не казались, судя по отказу от участия в дискуссии.

Сэмюэль сообщил о прибытии мистера Кэтчера. Все сидящие всполошились, а хозяин попросил пригласить юношу в комнату.

Об этом я узнала от Роуз, которая в тот момент находилась в гостиной, получая распоряжения хозяйки относительно ужина.

Парень почтительно поклонился хозяевам дома, поцеловал руку миссис Хьюз, а затем поприветствовал также поклоном Кэролайн с озорной улыбкой. В качестве презента он преподнес бонбоньерку Грейс и белый кружевной веер с перламутровой ручкой её дочери.

На что та по-детски обрадовалась:

«Это же кружева шантильи? Ой, Джеймс, это же ужасно дорого, наверное! Но очень кстати, потому что от камина идет такой жар, а я не прихватила свой веер из комнаты».

Когда ужин был готов, молодой гость пропустил дам и мистера Хьюза вперед и лишь потом вошел в столовую сам. Рыжеволосый, кудрявый, лицо в веснушках, а глаза совершенно бесцветные, еле голубого цвета, и тонкие губы. Худосочный, небольшого роста, с костлявыми длинными пальцами. Движения его были чуть дёрганными, какими-то резкими, как мне показалось.

Говорил юноша мало. О себе лишь коротко отвечал на вопросы. Зато Кэролайн игриво поглядывала на него искоса из-под опущенных ресниц. Парень почистил для девушки яблоко. И демонстрировал лучшие манеры, судя по одобрителю отношению Грейс.

Когда господа вернулись в гостиную пить кофе, девчонка какие только фокусы не вытворяла со своим веером, за которыми Джеймс наблюдал с особым вниманием своим масляным взглядом. То закроет его и держит перед собой посередине, то раскроет и машет им прямо по себе, то хлопает по ноге.¹⁸ Всё это она проделывала, пока мать продолжала увлеченно вышивать, чем вызывала лукавую ухмылку у кузена.

---

¹⁸ Язык веера – ответ на ограничения в общении дам и кавалеров, наложенные этикетом. Манипуляции с веером так же, как и его цвет, были неслучайными. Кэролайн посылала Джеймсу сигналы «Делай, как я хочу», затем о том, что ей хотелось

Уж не сомневаюсь, что манипуляции с веером имели какой-то скрытый смысл.

Смертельно уставшие мы с Роуз вернулись в хижину лишь ночью, но остальных там не оказалось.

– Где все?! Неужели решились на побег? – меня охватило волнение от несправедливости.

– Нелли, Бог с тобой, что ты мелешь? Не видишь – полная луна.

– Ага, очень понятно. Это прям всё объясняет.

– Ой, всё никак не привыкну, что ты ни черта не помнишь. При полной луне в сезон сбора хлопка работа продолжается и за полночь. А там пока всё взвесят, пока накажут за недобор, позаботятся о скотине.

Когда я уже улеглась, в хижину вошла Перлита. Миленькая светлокотая девчущка появилась на плантации только этим летом, и с самого начала сбора хлопка ещё ни разу не пришла небитой. Раны просто не успевали затягиваться, но сноровки от наказаний больше не становилось. Дневная норма – девяносто килограмм хлопка на каждого, а Перлита едва могла осилить семьдесят. Хозяин присутствовал ежедневно при подведении итогов сбора урожая, и Джозеф против своей воли сёк товарищей за каждый килограмм недобора до нормы. Зато стоило пере-выполнить план, как персональную планку поднимали на следующий же день.

Под утро Перлита во сне плакала и умоляла кого-то остановиться. Завтракая традиционным ломтем бекона и кукурузной лепешкой, я приобняла девушку и осторожно спросила о кошмаре. Думала, она не привыкла к побоям у прошлых хозяев. Оказалось, наша новая соседка негритянка лишь наполовину. Отцом был француз, который продал девушку в тринадцать лет в Новом Орлеане. Перлита случайно сломала столовый нож с рукояткой из слоновой кости в хозяйском доме, и законная жена господина разгневалась на неё, приказала избавиться от рабыни. Но скорее всего, девочка не понимала истинной причины – ревности госпожи, ведь очевидно было, что она дочь белого человека и, вероятнее всего, её мужа. Потом она была *fancy girl*¹⁹ у разных господ, пока последний из них в итоге не женился и не продал девушку мистеру Хьюзу, обманув насчёт рода её обязанностей.

Сегодня днём Роуз попросила у Джозефа разрешения забрать Перлиту на кухню, всё равно от неё нет толку на хлопковом поле. А дома ожидался прием гостей в честь приезда Джеймса. В меню было целых семь блюд: бобовый суп, запеченная баранья нога с яблочным соусом, тушеный сельдерей и тыква на гарнир, салат cold-slaw, рисовый пуддинг, лимонный крем и компот из персиков.

Роуз гоняла нас по кухне, как полководец пехоту на войне. Я взбивала яйца так, что вспотела, хоть выжимай, а потом обожгла руку о форму с запеченным пуддингом.

За столом собралась непривычно большая компания – целых двенадцать человек. Слава Богу, я ничего не уронила и не разлила на эти шикарные вечерние дамские платья. Затем джентльмены и дамы разошлись по разным комнатам: мужчины – курить и ругать Север, женщины – сплетничать и обсуждать моду.

После приема, затянувшегося за полночь, сильный пол дошел до такой кондиции, напившись виски, какую не ожидаешь от людей из высшего общества. Бурно жестикулировали и громко говорили. В комнате висела сизая табачная завеса, такая, что подташнивало при входе. Блестели взмокшие от карточной игры мужские лбы. А от спиртовых испарений кружилась голова, и хотелось скорее на свежий воздух. За окном стояла ночь без единого движения ветерка.

Джеймс изрядно проигрался в карты, но его реакция, как и остальных мужчин, была настолько обыденной, без капли удивления или огорчения.

бы как-нибудь потанцевать с ним, а в конце она намекает, что готова следовать за ним.

¹⁹ *Fancy girl* называли в Америке сексуальных рабынь, которых приобретали холостяки для собственного улаживания. Часто они жили в господском доме.

Мы лежали на полу в хижине в таком изнеможении, что не хотелось даже есть, зная, что завтра опять вставать с первыми петухами. Вдруг дверь отворилась, и внутрь, чертыхаясь, ввалился мужчина, который еле держался на ногах. Он начал ощупывать каждую рабыню своими гадкими руками, в том числе и меня, пока не нашел искомую добычу и тогда промышчал: «О, а вот и ты. Я тебя сразу узнал, когда увидел в столовой. Помнишь меня, Черная Жемчужинка?»

Перлита умоляла не трогать её. В хижине без единого окна было темно, хоть глаз выколи, но нетрудно догадаться, что надумал наш незваный гость. Слов больше не было слышно, лишь сдавленные жалобные звуки. Понятно, что девчонке зажали рот, чтобы не привлекать внимание. Затем раздался шлепок.

Все остальные лежали, как мышки, делая вид, что ничего необычного не происходит.

Раздавалось омерзительное то ли чавканье, то ли слюнявое причмокивание, и какая-то возня.

Я тихо сняла платок, скрученный тюрбаном на моей голове, и осторожно пробиравшись к месту Перлиты.

Схватила мужчину за волосы, продолжая держать за разные концы свой платок. Его заторможенная пьяная реакция была мне на руку, я, стоя позади, накинула тряпку на его шею и принялась тащить на себя, внутри благословляя Того, Кто подарил мне такую мощную комплекцию. Лишь вытолкав его на улицу, при свете костра начало доходить, что в нашей хижине был не кто иной, как Джеймс Кэтчер. Он скрипел осипшим голосом, пока я волокла его задом и кричала: «Перлита, беги, прячься». И только тогда ослабила хватку и выпустила насильника. Моё счастье, что парень был пьян в дровища, хотя я и получила неслабый удар кулаком прямо в глаз. Джозеф вышел из хижины и вежливо предложил Джеймсу помощь Сэмюэля для сопровождения до дома.

Этот пьяный наглец выследил Перлиту и дожидался подходящего момента. Он засунул в рот девушки свой платок в качестве кляпа да так и позабыл его в хижине. Но ничего, я тебя выведу на чистую воду при всех. Платок с вышитой монограммой «J.C.» покоился в моем переднике, словно револьвер, готовый выстрелить в злейшего врага без малейшего колебания.

– Мистер Кэтчер, Вы вчера обронили ночью в нашей хижине, – сказала я опешившему рыжему психу, протягивая окровавленный носовой платок за завтраком.

Сегодня хозяйева решили с утра поесть все вместе, раз в доме гость, а, возможно, и будущий супруг Кэролайн. Я тут же удалилась, чтобы избежать последующей унижительной сцены. Но из кухни не расслышала ни криков, ни ругани, на которую рассчитывала.

После завтрака Джеймс Кэтчер куда-то испарился верхом на лошади, а Кэролайн вела себя не истеричнее обычного, не ревела в подушку. Что-то было не так. Как же он выкрутился?

К четырем часам пополудни насильник вернулся.

Сегодня всё семейство было приглашено на бал, который устраивали Скотты. Я вышла в сад за цветами для вечерней прически для Кэролайн, когда явился знакомый ранее мне темнокожий посыльный из имения Уильямсов. Протянул букет, сообщил, что он от мистера Томаса для мисс Хьюз.

Я держала в руках странную цветочную композицию из хвойных ветвей, распустившихся бутонов камелий, ромашек, декоративных пучков мелких садовых гвоздичек и даже... Герани?

По-моему, безвкусица какая-то, особенно это вонючее комнатное растение не к месту. Войдя в комнату Кэролайн, я застала девушку сосредоточенно и нервно копающейся в комодике с украшениями.

– Э-э-э, мисс? Тут кое-что от Томаса. Может, сразу в мусорку отправить, чтобы в комнате запах не портить?

– Что? – она не сразу поняла, что-то более важное её беспокоило.

Но затем выхватила букет, отчего только сильнее растормошила мерзкую герань.

Девушка присела на стул, вытащила из ящичка коробочку с маленькими карточками, похожую на какую-то настольную игру. На каждой картонке были изображены разные цветы.²⁰ Я с любопытством наблюдала за тем, что она делает. Кэролайн ловко отыскала и выложила на туалетный столик пять иллюстраций, затем начала быстро и еле слышно читать надписи:

«Мне надо тайком увидеть тебя и поговорить», – первой лежала карточка с рисунком герани.

«Не дуйся так сильно, можешь лопнуть», – такова была фраза под турецкой гвоздикой.

«Я могу ошибаться, но ненамеренно», – это камелия.

«Когда смерть прекратит мою любовь, пролей слезу на моей могиле», – вот причём здесь, оказывается, эти ветки кипариса.

«Один взгляд твой утешит мои страдания», – не думала, что ромашки такой романтичный цветок.

Ох, Томас, Томас, что же ты так сглупил. Видать, ревность пригнала его в эти края. Быстро же слухи расползлись.

– Выбрось, он не достоин прощения, – Кэролайн резко швырнула букет на сверкающий чистотой пол так, что лепестки с цветов разлетелись в стороны. – Не могу найти изумрудные серьги и подвеску, – девушка продолжила переворачивать верх дном свою комнату.

Я подобрала букет, и спускаясь по лестнице, услышала крик в коридоре:

– Мама, Вы не отдавали в чистку мои изумрудные серьги и подвеску?

А затем послышались шаги, приглушенный мужской голос и топот каблучков домашних туфелек, преследующих меня с воплями:

– Ах ты, грязная воровка. Говорила же, что надо гнать тебя на хлопковое поле. Я убью тебя.

2014 год

– Как думаешь, может быть, я придумал преступление, которого не было? Уже по шапке от начальника получил за то, что полез копать в грязном белье верхушки Омега-банка. Наверное, мне пора в твоё отделение, да? Совсем крыша едет, – Комаров поцеловал блондинистую макушку обнаженной женщины, которая покоилась на его плече. – Все говорят, что это банальное самоубийство. На Новый год суицидников пруд пруди. Тем более в крови был алкоголь. На крайняк – несчастный случай.

Женщина рядом лежала молча, внимательно слушая монолог своего главного в жизни «пациента», как и привыкла вести себя на сеансе за годы практики. Обычно все ответы так и приходят. Без вмешательства.

– Но кто станет убиваться дома при полном параде, в сапогах на шпильках и с сумочкой через плечо. Да и эта белая кружевная ткань поверх тела... Может, конечно, она с катушек слетела. Но ни коллеги, ни соседи ничего такого за ней не замечали. Загадка со свежими кровавыми мозолями тоже не раскрыта. Не отжимала же она до посинения театральные костюмы вручную.

---

²⁰ В 18-19 веке большую популярность получил тайный язык цветов (салам), привезённый из Азии. Каждый цветок был посланием. Тогда же родилась карточная игра, выполняющая роль секретного флирта.

Глава 11

2014 год

Михаил

– Продолжим, Миша? – коротко улыбнулась блондинка в очках, как-то по-новому взглянув на брюнета напротив. Он, как всегда, был верен своему стилю casual, с такой же короткой стрижкой и легкой небритостью. Каждая, каждая такая глупая встреча давалась мужчине с большим трудом – он заламывал руки и хрустел пальцами. Но, несомненно, вызывал уважение: был интересным рассказчиком, старался держаться спокойно и сотрудничал ради выздоровления. Его красно-коричневые глаза чаще всего смотрели за окно.

– Я не стал звонить ей на следующий же день. Кто согласится на свидание, ощущая жуткую головную боль после вчерашнего безудержного веселья с подружками? Но только номер телефона девушки, имени которой так и не узнал той ночью, появился у меня в контактах, инстаграм тут же выдал мне её профиль в рекомендациях. И очень кстати, ведь я понятия не имел, кто она и куда её пригласить.

Сам не заметил, как пролистал всю страничку до самого конца. Девушка плавала, любила танцевать в клубах, каталась на лыжах и на коньках и частенько появлялась на каких-то костюмированных встречах. Я так и не понял, что это за заседания клуба благородных девиц. Чертовски трудно было разгадать суть её натуры: то она в соломенной шляпке гуляет в ботаническом саду, то в белых рваных джинсах отплясывает под вспышки стробоскопа.

Догадался, что незнакомка любит шить (этим объяснялись ее необычные эксклюзивные наряды) и читать, судя по её постам. Завтракает стаканом кофе с розмариновой карамелью и лимонной булочкой. Гугл выдал только одну локацию с такими строчками в меню, но привезти ей оттуда прямо к дому горячий напиток не удалось бы – далеко, остынет.

Если уж идти с ней на свидание, то хотелось сделать то, что обязательно вызовет улыбку или смех. Потому что в своих видео она так искренне и бурно радовалась.

На фото частенько рядом с ней светился голубоглазый парень с золотистыми слегка вьющимися волосами с причёской а-ля «Мне нужно было к парикмахеру пару месяцев назад». Толян (так она его называла) постоянно корчил какие-то рожицы или ставил рожки девушке. Я тогда задумался. Это её парень? Зачем тогда дала мне свой номер телефона? Из благодарности, просто разок сходить на свидание? Может, и не стоит ей звонить тогда? Тем более я не звезда стендап-шоу. Шуточки мои, к сожалению, не выросли вместе с размером ноги, а ей, видимо, нравятся остроумные парни.

Хотя при детальном изучении понял, что клоун перестал мелькать больше трех месяцев назад. Расстались?

Я превратился в какого-то исследователя, но никак не решался позвонить девчонке. Времени было полно, потому что лето, универ позади, а работу архитектором пытался оттянуть как можно дольше. Пока иногда перебирал сломанные движки на тачках знакомых ребят у себя в гараже, и за это удовольствие мне платили.

Однажды вечером, выкурив две сигареты кряду, хотя бросил год назад, начал набирать заветные цифры. И что? Телефон отключен.

Попробовал в обед на следующий день – не ответила.

Статус в инстаграме и в ватсапе был скрыт, поэтому я не видел, когда она онлайн, да и казаться маньяком не хотелось.

Через день на звонок ответили. Не она. Её мама. Мне сообщили, что девушка забыла телефон дома.

Приглашать на свидание через соцсети или мессенджеры как-то некрасиво и, мне кажется, обесценивает девушку.

Удалось дозвониться лишь к концу недели. Она меня вспомнила. Удивительно. Но и вечер пятницы, и все выходные у неё уже были заняты. Я предложил увидеться в понедельник, но голубоглазая брюнетка настояла на следующей субботе. Получив заветное согласие, сразу же попрощался, пока она не передумала.

Целую неделю томился в ожидании, перебирая кучу сценариев нашей первой настоящей встречи и составляя остроумные диалоги в голове.

– Не разочаровались? – спросила психотерапевт.

– Меня в очередной раз ждал неожиданный поворот. Когда зашел за ней в назначенный час, её мать сообщила, что девушка не сможет пойти. Она днем помогала подруге в магазине. Болтали за обедом, сидя на складе. На полу стояли бутылки шампанского. Подруга ножкой стула нечаянно задела одну из них. Не знаю, как такое возможно, но этой даме везет на приключения, как я понял позже. Короче, по стеклу пошла трещина, бутылка взорвалась, а горлышко от неё острым концом со всей силы вонзилось в голень девушки. Не вынимали из раны до приезда скорой, а потом начала хлыстать кровь, наложили швы, и теперь она не сможет пойти на свидание. Но меня любезно пригласили на чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.